

802-18
2

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОВЪЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГВАРДІИ ПТАВСЪ-КАПИТАНА А. Гейрота.

Одобрень для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

№№ 5, 6, 7 и 8.

Съ приложеніемъ четырехъ рисунковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

даже вяло; не было той веселой суеты и того оживленія, какія обыкновенно сопровождаютъ этотъ праздникъ на родинѣ; только подъ конецъ составилъ хоръ, и раздалась любимая и столь подходящая къ нашему положенію пѣсня:

„Ой у лузи, дай ще при дорози, червона калина...“

.

Наконецъ, къ вечеру всѣ разошлись; на бивакѣ все успокоилось. Удушливый, знойный день смѣнили прохладныя сумерки, а затѣмъ наступила тихая, лунная ночь, облившая своимъ яркимъ, мягкимъ свѣтомъ уснувшій бивакъ, впереди тянувшуюся песчаную долину Дуная, бѣлые минареты Систова, горы...

Завтра утромъ мы должны переправиться чрезъ Дунай и вступить въ Болгарію...

185.5.

Кап. Вачевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АХАЛЪ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

1879 ГОДА.

I.

Общій обзоръ и причины экспедицій *).—Составъ экспедиціи 1879 года.—Начальникъ ея.—Прибытіе первыхъ частей отряда въ Чикишляръ.—Времяпровожденіе въ Чикишляръ.—Предварительныя распоряженія для движенія въ степи.—Верблюжій транспортъ.—Авангардъ.—Составъ его и командиръ.—Движенія авангарда въ степи.—Миражъ.—Кавалерійскій набѣгъ.—Смерть Лазарева.

Необозримыя пространства Россійской Имперіи такъ велики и обширны, что русскому человѣку, трудно не только побывать самому во всѣхъ владѣніяхъ Русскаго Царя, но даже и знать о нихъ, хотя по наслышкѣ, или по рассказамъ бывалыхъ людей. Въ особенности неизвѣстны для многихъ изъ насъ наши далекія окраины. Раскинувшись на 3,000 верстъ въ ширину и почти на 11,000 верстъ въ длину, — какихъ-какихъ народовъ не пріютила на своей поверхности наша матушка, Святая Русь! Какихъ языковъ не наслышишься, какихъ видовъ не насмотришься! И всѣ эти разноплеменные народы, подчинившіеся, когда-то, власти нашего Православнаго Царя, живутъ и про-

*) Экспедиціей называется движеніе небольшихъ отрядовъ войскъ съ цѣлью изученія какой-либо страны, или покоренія ея. Это—своего рода война, только, по числу участвующихъ въ ней войскъ, война маленькая.

цвѣтають подъ Его крѣпкой охраной, занимаясь — кто земледѣіемъ, кто — скотоводствомъ, кто — промысла на фабрикахъ и заводахъ, а кто и кочуя изъ стороны въ сторону, не зная постоянного мѣстожителства и не имѣя другаго жилища, кромѣ песчаной степи, да кожаной, рваной кибитки.

Слыхалъ, конечно, каждый изъ васъ про Кавказъ, Сибирь, Финляндію и Польшу, про Хиву, Бухару и Коканъ. Слыхалъ, можетъ быть, и то, что между Кавказомъ съ одной стороны, и Хивой и Бухарой — съ другой, лежитъ большое море Каспійское, куда, искони вѣковъ, бѣжитъ наша величайшая рѣка — Волга-матушка.

Такъ вотъ, за этимъ-то моремъ Каспійскимъ и южнѣе подвластнаго намъ Хивинскаго ханства, находятся обширныя, песчаныя степи Туркменскія, съ кое-гдѣ разбросанными по нимъ жалкими жилищами кочеваго народа — текинцевъ. Перебираясь со своими стадами съ мѣста на мѣсто, это полудикое, разбойничье племя не рѣдко сталкивалось съ мирными жителями Хивинскаго ханства, не рѣдко нападало на нихъ, грабило и, пользуясь безнаказанностью, скрывалось въ свои непроходимыя степи, дѣлаясь, годъ отъ году, смѣлѣе и смѣлѣе.

Уже съ давнихъ временъ, жители прибрежныхъ селеній помнятъ разбойничьи набѣги и грабежи текинцевъ на сушѣ и морѣ. Разъѣзжая на своихъ косовушкахъ *) по морю, они захватывали цѣлыя торговыя суда нашихъ и персидскихъ купцовъ, грабили ихъ и,

*) Косовушкой называется глубокая туркменская лодка.

подѣливъ богатую добычу межъ собой, похвалялись ею передъ другими, не столь сильными и предприимчивыми, племенами. Доходило дѣло до того, что ѣзда по морю стала считаться не безопасной и наша торговля на немъ ослабѣла.

Не могли долѣе русскія власти терпѣть такія безпорядки, не могли и оставить беззащитными нашихъ новыхъ подданныхъ — хивинцевъ, и вотъ, въ 70-хъ годахъ, снаряжаются туда экспедиціи, т. е. посылаются небольшіе отряды войскъ, изъ частей, расположенныхъ на Кавказѣ, — сначала, чтобы разузнать мѣстность, а потомъ и съ цѣлью наказать разбойниковъ — текинцевъ и навсегда отбить у нихъ охоту къ грабежамъ и безобразіямъ.

Первая, болѣе значительная, экспедиція была снаряжена въ 1879 году и о ней-то и будетъ теперь идти нашъ рассказъ.

Еще въ концѣ 1878 года, на Кавказѣ начали поговаривать о предстоящей военной экспедиціи по ту сторону Каспійскаго моря, въ глубь песчаныхъ степей кочевыхъ азіатскихъ народовъ. Недавно только окончившаяся, турецкая война не успѣла еще изгладиться изъ свѣжей памяти участниковъ ея, какъ вновь задуманное предпріятіе призывало ихъ на новые труды и лишенія въ борьбѣ съ полудикими народами, въ особенности съ ихъ непривѣтливой, пустынной родиной, лишенной воды и растительности и озаряемой палящими лучами южнаго солнца.

Тѣмъ не менѣе, охотниковъ испробовать счастіе и еще разъ испытать себя въ борьбѣ съ врагами отечества, нашлось не мало въ боевыхъ полкахъ Кавказа,

изстари привыкшихъ проводить почти всю свою жизнь въ походахъ и не разъ сражавшихся съ непокорными горцами въ отрядахъ Барятинскаго, Лазарева и другихъ.

Чтобы не обидѣть никого и дать возможность всѣмъ войскамъ, расположеннымъ на Кавказѣ, принять участие въ предстоящей экспедиціи, рѣшено было составить отрядъ изъ представителей отъ всѣхъ полковъ, взявъ въ походъ только части ихъ. Такимъ образомъ, въ составъ отряда вошли:

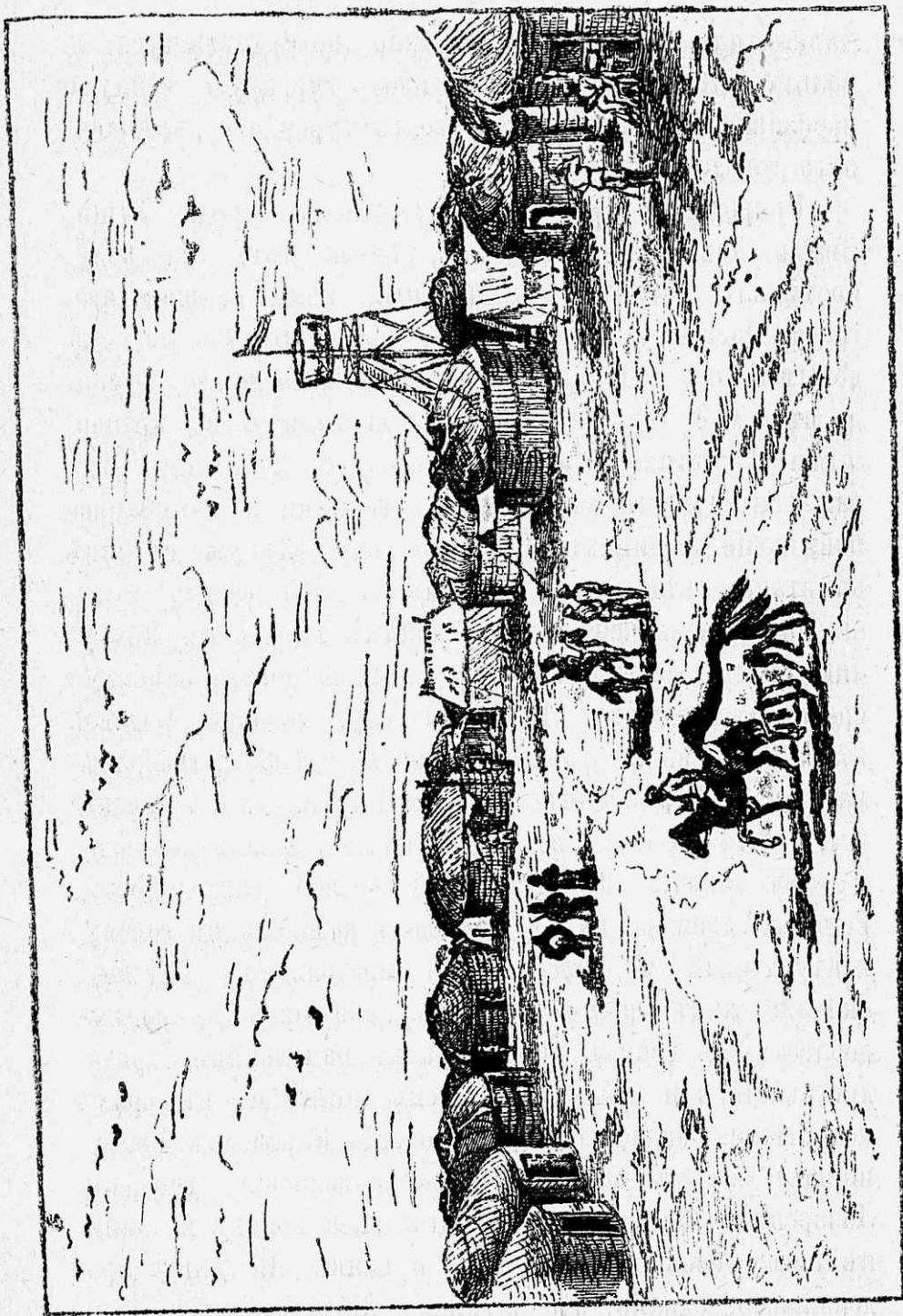
По одному баталіону грендеръ: Грузинскаго и Эриванскаго грендерскихъ полковъ, Сводно-стрѣлковый баталіонъ, составленный изъ ротъ Кавказской стрѣлковой бригады, по одному баталіону отъ полковъ: Кабардинскаго, Куринскаго, Навагинскаго, Ахалцыхскаго и Александропольскаго, и по два баталіона: Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ. Кавалерію составляли: Дагестанскій конный полкъ, Туркменская милиція *), дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, по четыре сотни Таманскаго и Полтавскаго кубанскихъ казачьихъ полковъ и по дивизіону: Лабинскаго, Кубанскаго и Волгскаго, — Терскаго казачьяго войска. Артиллерія: 4-я батарея 20-й артиллерійской бригады, сводная батарея Красноводской полевой артиллеріи и дивизіонъ 1-й Терской конной батареи. Для инженерныхъ работъ была при отрядѣ 3-я рота 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона.

Начальство надъ всѣмъ этимъ отрядомъ, по Высочайшему повелѣнію, было поручено генералу Ивану

*) Туркменская милиція—это кавалерія, составленная изъ туркменъ-охотниковъ, добровольно изъявившихъ желаніе воевать съ нами противъ ненавистныхъ имъ текинцевъ.

Даниловичу Лазареву, не мало потрудившемуся на пользу Отечества въ послѣднюю турецкую войну и прославившаго свое имя взятіемъ турецкаго укрѣпленнаго города Карса.

Природный кавказецъ, уроженецъ города Туши, Иванъ Даниловичъ Лазаревъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ рядовымъ въ пѣхотный, князя Варшавскаго, графа Паскевича—Эриванскаго, полкъ. Будучи еще рядовымъ, онъ получилъ знакъ отличія Военнаго ордена, а въ 1842 году произведенъ за отличіе въ прапорщики. Съ этихъ поръ начинается его постоянная боевая дѣятельность въ борьбѣ съ горцами и постепенное повышеніе въ чинахъ. Въ 1850 году, онъ, уже въ чинѣ капитана, увѣшанный крестами за свои боевыя отличія, былъ назначенъ управляющимъ ханствомъ Мехтулинскимъ, а девять лѣтъ спустя, командовалъ войсками средняго Дагестана. Въ 1860 году, бывшій рядовой графа Паскевича—Эриванскаго полка сдѣлался генералъ-майоромъ. Межъ тѣмъ, не прекращавшіяся въ теченіи всего этого времени, возстанія горцевъ давали все новое и новое занятіе его неутомимой боевой дѣятельности. Раненый дважды: пулей въ шею и камнемъ въ голову, контуженный въ плечо, онъ продолжаетъ службу, сначала, какъ простой офицеръ, сражаясь въ рядахъ доблестныхъ войскъ, потомъ, какъ начальникъ отряда, двигающій эти войска на поиски засѣвшаго въ горахъ непріятеля. Окончательное покореніе Кавказа и наступившее затѣмъ затишье, дало возможность генералу Лазареву заняться мирной подготовкой войскъ къ дальнѣйшимъ боевымъ отличіямъ и славѣ. Не долго продолжилось, однако, это затишье. Надвигавшіяся тучи

турецкой войны подняли на ноги всю Россію и уже конечно, такой боевой генералъ, какъ генералъ Лазаревъ, не могъ остаться простымъ зрителемъ. Командуя сначала тыломъ всей дѣйствующей Кавказской арміи, затѣмъ—значительными отрядами передовой линіи, онъ сразу показалъ свою боевую опытность, окруживъ, 3-го октября, большую часть арміи Мухтара-паши и заставивъ ее положить оружіе. Но вѣнцомъ его славы—былъ штурмъ и взятіе Карса. На этомъ пока закончилась боевая дѣятельность генерала Лазарева въ 1877—78 годахъ, заслужившая ему Георгія 2-й и 3-й степени и званіе генералъ-адъютанта.

Раннею весной, назначенныя въ составъ отряда, части начали переправляться на ту сторону Каспія и собираться у мѣстечка Чикишляръ. Переправа шла медленно. Недостатокъ судовъ, а затѣмъ и неудобство выгрузки съ этихъ судовъ на берегъ, страшно затягивали сосредоточиваніе всего отряда, и только къ концу іюня бѣлыя палатки нашихъ войскъ правильными линіями протянулись по окрестностямъ Чикишляра, представлявшего, до нашего прибытія, ни что иное, какъ рядъ туркменскихъ юртъ (кожаная палатка), пріютившихся на берегу моря среди песчаной пустыни.

Наступали жары. Горячіе лучи іюльскаго солнца страшно накаливали глубокіе пески окрестностей Чикишляра и дѣлали жизнь въ палаткахъ невыносимой. Безчисленное количество мухъ, цѣлыми тучами кружившихся въ воздухѣ и надоедливо пристававшихъ каждую минуту, не позволяли ни спать, ни ѣсть спокойно, облѣпляя всего во время сна, забираясь подъ всевозможныя покрывала и попадая цѣлыми кучами въ питье и

пищу. Ко всему этому нужно прибавить отсутствіе какой-либо растительности, подъ тѣнью которой возможно-бы было отдохнуть отъ нестерпимой духоты и зноя въ палаткахъ. Только по вечерамъ, когда солнце начинало спускаться въ море и раскаленные дневнымъ зноемъ пески, мало-по-малу, остывали, возможно было вздохнуть свободно и подышать прохладнымъ морскимъ воздухомъ до слѣдующаго утра. Въ это время, обыкновенно, лагерь оживалъ. Толпы солдатъ, безконечной вереницей, тянулись къ морю, чтобы погрузиться въ его горько-соленую воду, освѣжиться и смыть съ себя, накопившіеся за день, грязь и потъ.

Кое-гдѣ кучки казаковъ, выползшихъ изъ своихъ палатокъ, собираются въ круговую и затѣваютъ игры въ «чехарду», «дергача» и «шашки».

Неумолкаемый смѣхъ слышится среди нихъ, когда какой-нибудь неловкій «дергачъ» слишкомъ близко подойдетъ къ быющему жгутомъ, и сильный, со всего размаха, ударъ по спинѣ заставитъ его шарахнуться всторону, чтобы вслѣдъ за этимъ не получить и втораго.

А то, такъ усядутся въ кружокъ; одного посадятъ въ средину, да и начнутъ перебрасывать изъ рукъ въ руки папаху, стараясь не дать сидящему въ срединѣ, поймать ее на лету. Измаится, бывало, бѣдняга, а папаха все летаетъ отъ одного къ другому мимо его носа, не попадая, однако, въ руки.

— Ну, васъ, къ шуту, и съ вашей папашой! крикнетъ, наконецъ, обезсиленный, облитый потомъ казакъ и полѣзетъ вонъ изъ круга, предоставляя другому испытать то же на себѣ.

Но нѣтъ; такъ не выпускать!

— Чего лѣзешь?! Поймай, потомъ и вылѣзешь! кричатъ десятки голосовъ, плотнѣе сдвигаясь другъ къ другу и цѣпляясь за длинныя фалды черкески.

И опять пошла летать папаха, и опять слышится дружный смѣхъ сидящихъ и недовольная ругань ловащаго...

Между тѣмъ, густыя сумерки начинаютъ надвигаться. Мириадами звѣздъ покрываются небеса и черная, южная ночь окутываетъ и море, и лагерь, и необозримыя песчаныя степи. Движеніе прекращается, голоса смолкаютъ. Лишь кое-гдѣ блеститъ еще огонекъ въ палаткѣ офицера, да тамъ, далеко-далеко, на окраинѣ лагеря, въ степи, слышится пронзительный крикъ осла, или же протяжный, жалобный стонъ верблюда.

Утренняя заря, обыкновенно, заставляла уже всѣхъ на ногахъ. Каждый спѣшилъ окончить работу до восхода солнца, на прохладѣ, чтобы не потѣть лишній разъ и тѣмъ не увеличивать, и безъ того уже сильную во время жары, жажду. Кто изъ насъ не знаетъ этого? и кто изъ насъ не согласился-бы выпить въ это время глотокъ - другой грязной воды, чтобы промочить пересохшее горло и освѣжить языкъ! Но если, въ крайности, мы можемъ удовольствоваться и грязной водой, то этого никакъ нельзя сдѣлать съ водой, имѣющей отвратительный, горько-соленый вкусъ. А между тѣмъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ только такая вода и имѣлась въ изобиліи. Для того же, чтобы достать хорошую воду, приходилось рыть колодцы, правда, не глубокіе, всего аршина на 1½, но вода-то въ нихъ,

черезъ нѣсколько часовъ, принимала тотъ же горько-соленый вкусъ и дѣлалась негодною для питья. «Что за причина?» разсуждали солдаты, принужденные ежедневно копать все новые и новые колодцы. Причина же была очень простая. Дѣло въ томъ, что песчаная степи, когда-то составлявшія дно озера, или моря съ соленой водой, имѣютъ на своей поверхности много соли, и эта соль, попадая, вмѣстѣ съ пескомъ, въ чистую, хорошую воду, портила ее. Нужно было, слѣдовательно, колодцы устраивать такъ, чтобы верхній, соленый слой песка не обсыпался въ воду. Собственнымъ умомъ дошли солдатикки до этого и, не долго думая, наши деревенскіе колодезные срубы замѣнили бочками отъ сахара, выбивъ въ нихъ предварительно дно. Въ такихъ колодцахъ вода не портилась дня три, и только вѣтеръ, вихрями крутившій пески, иногда засыпалъ ихъ и заставлялъ дѣлать новые.

Недалеко отъ пристани, на особо расчищенной площадѣ, раскинулся шатеръ начальника отряда и его штаба. Предстоящій походъ по песчаной, безводной пустыни, требовалъ громадныхъ предварительныхъ приготовленій; и вотъ, въ то время, когда солдаты барахтаются въ прохладной водѣ Каспійскаго моря, а казаки занимаются игрой въ «дергача» и «шашки», начальникъ отряда обдумываетъ трудную задачу предстоящаго похода и дѣлаетъ распоряженія. Походъ въ степи—не шуточное дѣло! Нужно все предвидѣть, все предугадать, обо всемъ позаботиться. И горе тому начальнику, который въ первый разъ ведетъ отрядъ въ степь! Малѣйшая неосмотрительность можетъ погубить и его, и отрядъ!

Генераль Лазаревъ былъ не изъ такихъ. Онъ хорошо зналъ, что предстоитъ ему впереди; зналъ и пустыню, и непріятеля; зналъ то, что главной его обязанностью было обезпечить отрядъ продовольствіемъ и водой на все время его продолжительнаго странствованія. Имѣющіеся по пути слѣдованія колодцы и рѣки такъ рѣдки, что иногда, въ теченіи цѣлаго перехода, а то и двухъ, не встрѣчается и капли воды. Населенныя мѣста, гдѣ можно было-бы достать кое-что для отрядовъ, разбросаны на десятки верстъ другъ отъ друга, а непріятельскія шайки, предчувствуя наше нашествіе, рыщатъ изъ стороны въ сторону, засыпая колодцы, перепруживая рѣчки, сжигая до тла запасы фуража и хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ, чтобы не погубить отрядъ отъ голода или жажды, нужно было все необходимое везти за собой, для чего требовалось громадное количество лошадей и верблюдовъ. Послѣ долгихъ разсужденій, лошадь оказалась непригодною для степнаго похода, ибо большую часть груза, который она можетъ поднять, съѣсть сама въ теченіи этого похода. Пришлось замѣнить ее верблюдомъ — животнымъ болѣе сильнымъ, а главное, не прихотливымъ на счетъ питья и пищи, и привыкшимъ къ подобнаго рода путешествіямъ.

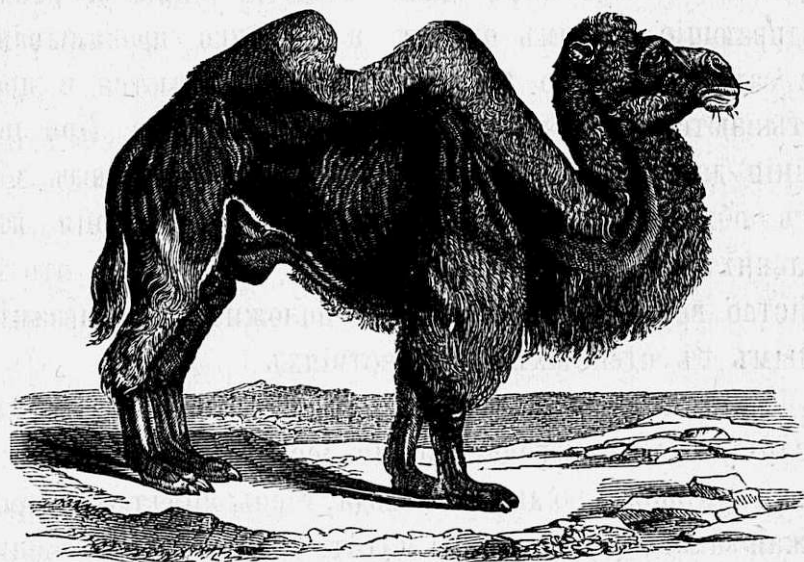
Верблюдъ, это совершенно особенное, многимъ русакамъ незнакомое, не только по своимъ качествамъ, но и по виду, животное, а потому мы отступимъ немного отъ своего разсказа и опишемъ его главныя свойства.

Родина верблюдовъ — песчанныя степи и пустыни. По наружному виду — это самое безобразное животное, гро-

маднаго роста, съ длинной вытянутой шеей, съ маленькой сплюснутой головой, боровымъ хвостомъ, толстыми мозолистыми ногами; но главная особенность верблюда заключается въ томъ, что на спинѣ его имѣются одинъ или два мясистые горба, дѣлающіе еще безобразнѣе его, и безъ того безобразную, фигуру. Питается верблюдъ травой и растеніями, не брезгая самыми толстыми и сухими сучьями, пожирая все, что только можетъ попасться въ пустынѣ; даже колючіе шипы и иглы, раздирающіе людямъ одежду и нерѣдко прокалывающіе самую толстую подошву, пережевываются и проглатываются имъ, какъ нѣчто очень вкусное. При немѣнии даже этой неприхотливой пищи, верблюдъ можетъ обходиться и совсѣмъ безъ нея въ теченіи нѣсколькихъ дней, благодаря своимъ горбамъ, и это-то свойство верблюда дѣлаетъ его положительно незамѣнимымъ въ степныхъ путешествіяхъ.

Дѣло въ томъ, что горбы верблюда состоятъ изъ жира, и если онъ ѣсть хорошо, то они достигаютъ значительныхъ размѣровъ; во дни-же голода, горбы спадаютъ, продолжая запасомъ этого жира питать верблюда въ теченіи нѣсколькихъ дней. Воды верблюдъ такъ же требуетъ мало и, при хорошей, сочной пищѣ, можетъ пробыть безъ нея отъ 14-ти до 20-ти дней, довольствуясь росой и сокомъ растеній. Громадный ростъ и чрезвычайно длинныя ноги дѣлаютъ то, что хорошій верблюдъ, на дальнихъ разстояніяхъ, обгонитъ какую угодно лошадь, и бывали примѣры, что онъ въ 12 часовъ времени, безъ отдыха, дѣлалъ около 175 верстъ. Такому росту соотвѣтствуетъ и такая же сила. Вьючный верблюдъ, въ теченіи длинныхъ переходовъ, можетъ нести

на своей спинѣ 12 пудовъ и болѣе. Для того, чтобы взвалить подобный выюкъ на спину животнаго, его, обыкновенно, предварительно заставляютъ лечь на землю, около приготовленныхъ тюковъ, понуждая къ этому особымъ крикомъ, а то, такъ и ударами кнута. Предчувствуя работу, верблюды начинаютъ страшно ревъть, скрежетать зубами, бить ногами, кусаться, и

162

Верблюдъ.

вообще дѣлаетъ все, что возможно, чтобы выразить свою досаду. При этомъ, ревъ его дѣлается такимъ пронзительнымъ и страшнымъ, что только привычныя уши могутъ выносить его. Увидѣвъ, что ничто не помогаетъ и грузная ноша готова уже взвалиться на его спину, верблюдъ дикій ревъ смѣнялъ жалобнымъ, протяжнымъ стономъ, способнымъ окончательно раз-

жалобить человѣка. Вскочивъ на ноги, уже съ надѣтой пошей, верблюды еще разъ яростно реветъ, но затѣмъ безропотно подчиняется своей участи и уже молча, громадными шагами, пускается въ путь. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, справедливо заслужившихъ ему названіе «корабля пустыни», верблюды имѣютъ одинъ громадный недостатокъ, это—упрямство. Повернуть его не въ ту сторону, въ которую онъ хочетъ, или же поднять на ноги, когда онъ расположился отдыхать, составляетъ не мало труда людямъ, не привыкшимъ обращаться съ ними; и нашимъ солдатикамъ, находившимся при верблюжьемъ транспортѣ во время описываемой экспедиціи, хорошо извѣстенъ этотъ недостатокъ верблюда, не разъ приводившій ихъ въ положительное отчаяніе и бѣшенство.

Такъ вотъ, такихъ-то животныхъ, къ началу нашего движенія въ степи, было сосредоточено въ Чикишлярѣ около 9,000.

Но прежде чѣмъ двинуть войска, генераль Лазаревъ попробовалъ мирными средствами уговорить текинцевъ—бросить ихъ разбойничью жизнь и поступить въ наше подданство. Случай къ этому представился скоро. Еще до прибытія генер. Лазарева въ Чикишляръ, въ нашъ лагерь пріѣхалъ сынъ одного изъ текинскихъ старшинъ, съ письмомъ и съ предложеніемъ обмѣнить плѣнныхъ, захваченныхъ во время минувшихъ экспедицій. При этомъ онъ привелъ съ собой и самихъ плѣнныхъ, нашихъ двухъ солдатъ, предлагая обмѣнить ихъ на 14 текинцевъ. Генераль Лазаревъ согласился и, отпуская посланца, вручилъ ему письмо слѣдующаго содержанія, прося передать отцу:

«Я, генераль-адъютантъ Лазаревъ, назначенъ Его Императорскимъ Величествомъ, Бѣлымъ Царемъ, съ большимъ числомъ войскъ, совершить походъ въ степь. Ваши соплеменники, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напали на нашъ отрядъ, расположенный у Михайловскаго залива; въ прошломъ году они сдѣлали нападеніе на Ходжамъ-Кала. Поэтому, я долженъ смирить вашихъ разбойниковъ и водворить у нихъ спокойствіе. Извѣщаю, что иду на васъ открыто, и если вы будете воевать, то очень этому радъ. Но въ Коранѣ *) сказано: «если врагъ твой окажется сильнѣе тебя, то подчинись ему, какъ мнѣ, не смотря на его вѣру». Слова эти и совѣты мои передай текинскому народу. 3-го марта я благополучно прибылъ въ Чикишляръ и засталъ тамъ твоего сына, Акверды-хана, что меня привело въ восторгъ. Я увидѣлъ, что ты поступилъ умно и что имѣешь горячее желаніе служить нашему Великому Бѣлому Царю.

«Настоящее письмо посылаю съ твоимъ сыномъ, для объявленія его народу. Помни, что цѣль нашего похода въ Теке заключается въ томъ, чтобы водворить тишину и спокойствіе и усмирить вашихъ непослушныхъ. Кто будетъ честно и усердно служить Бѣлому Царю, того я буду защищать; кто же не будетъ повиноваться мнѣ, того я накажу примѣрно. Будьте въ этомъ увѣрены.

«Въ непродолжительномъ времени, я, съ войсками, выступлю къ вамъ. Передайте мои совѣты ахаль-текинцамъ. Пусть они явятся съ покорностью, когда я

*) Коранъ—священная книга у магометанъ.

прибуду въ ихъ землю. Если они не намѣрены явиться съ покорностью, то предупреди ихъ, чтобы потомъ не имѣли на меня претензіи. Мы всѣ дѣти праотца Адама. Каждый изъ насъ долженъ держать и хранить свою вѣру крѣпко. Намъ до вашей вѣры нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, мы любимъ тѣхъ, которые свято исполняютъ свои обряды. Я иду къ вамъ, собственно, для усмиренія вашихъ злыхъ и непослушныхъ. По прибытіи въ Чикишляръ, я отпустилъ всѣхъ вашихъ плѣнныхъ. Въ настоящее время, у васъ осталось два нашихъ солдата. Если возвратите ихъ мнѣ, то будетъ хорошо; если же не возвратите, то я ихъ самъ найду, хотя-бы они были подъ землею».

Прошло нѣсколько времени. Текинцы не давали никакого отвѣта на письмо генерала Лазарева, собирались вокругъ своихъ старшинъ, судили, рядили, но, ни на чемъ не порѣшивъ, расходились въ разные стороны. И боялись-то они русскихъ, и подчиниться-то не хотѣлось добровольно. Генераль Лазаревъ терялъ уже надежду получить отвѣтъ на свое письмо, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, снова является текинецъ съ письмомъ. Старшина увѣдомлялъ, что народъ ихъ ничего не рѣшилъ и положился на волю Божию. Тогда, генераль взялъ посланнаго, обвелъ его кругомъ всего нашего лагеря, показалъ войска и, прибавивъ, что здѣсь только половина ихъ собрана, отпустилъ съ миромъ домой, а 6-го іюня двинулъ впередъ авангардъ отряда, подъ командой командира Кабардинскаго полка, флигель-адъютанта, полковника князя Долгорукова.

Путь авангарда лежалъ вдоль рѣки Атрека, къ укрѣпленію Чатъ и представлялъ на всемъ своемъ

протяженіи не что иное, какъ безлюдную песчаную пустыню, и чтобы пройти тѣ 150 верстъ, которыя отдѣляли укрѣпленіе отъ Чикишляра, потребовалось не мало трудовъ и лишеній, самоотверженія и выносливости. Если въ Чикишлярѣ войска страдали отъ недостатка воды и палящихъ лучей солнца, то на этомъ пути страданія доходили до крайнихъ предѣловъ, обезсиливая самыхъ крѣпкихъ, самыхъ выносливыхъ, и приводя въ отчаяніе болѣе слабыхъ и малодушныхъ.

Нельзя представить себѣ что-либо безотраднѣе этихъ мѣстъ! На пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, не видно ни одного жилья, ни одного свѣжаго зеленѣющаго деревца. Птица не пролетитъ надъ головой, испуганный заяцъ не перебѣжитъ дорогу, — все мертво и дико вокругъ. Ничто живое не проникаетъ въ глубь этихъ степей, ни единый звукъ не нарушаетъ зловѣщей тишины пустыни!

Съ трудомъ передвигая ноги, тянется отрядъ по сыпучимъ пескамъ отъ ночлега до ночлега, то удаляясь отъ рѣки, то приближаясь къ ея крутымъ, обрывистымъ берегамъ, поросшимъ сухимъ кустарникомъ. Сосѣдство рѣки не радуетъ, однако, утомленныхъ путниковъ, ибо и рѣка-то эта какая-то, не похожая на всѣ обыкновенныя рѣки, и ея мутная, горько-соленая вода только дразнить жаждущаго.

Но вотъ, вдали, въ неясномъ туманѣ раскаленнаго воздуха, начинается, мало-по-малу, вырисовываться отрадная картина:

Группа деревьевъ, прозрачный, какъ хрусталь, ручеекъ, змѣйкой извивается межъ ними, омывая и освѣжая корни, а тамъ, далеко, сквозь чащу листвы,

блестить цѣлое озеро прозрачной воды, и зоветъ, и манить къ себѣ, измученный зноемъ и жаждой, отрядъ. Заранѣе испытывая удовольствіе прильнуть разгоряченными губами къ прохладной, чистой водѣ, растянуться подъ густой тѣнью деревьевъ, отрядъ оживаетъ. Опущенныя головы поднимаются; отяжелѣвшія отъ безпрерывной ходьбы, ноги двигаются скорѣе; глаза блестятъ надеждой и счастьемъ...

Увы, несчастные! Напрасны ожиданья; напрасно ждете вы достигъ воды желанной, напрасно головы высоко подняли; подъ тѣнью чудною деревъ сихъ густолистныхъ, напрасно отдыхъ вы сулите тамъ себѣ! Мечта, одна мечта! И чѣмъ ближе вы будете подходить къ прелестному мѣстечку, тѣмъ дальше и дальше уходитъ оно отъ васъ, пока, наконецъ, окончательно, не расплывется и не пропадетъ въ глубокихъ пескахъ пустыни, какъ чудное, мимолетное видѣніе.

Кто бывалъ въ пустынѣ, тотъ хорошо знакомъ съ подобными явленіями и не поддастся ихъ обману, чтобы вслѣдъ затѣмъ не разочароваться самымъ горькимъ, неожиданнымъ образомъ. Наши солдатики ничего, конечно, не знали объ этомъ, и потому еще съ большимъ недоумѣніемъ и грустью провожали глазами уходящее видѣніе.

Что-же это за штука и отчего происходитъ она? любопытствуютъ многіе. — А вотъ, въ чемъ дѣло:

Гладкіе, какъ поверхность воды, степные пески, или же снѣжныя равнины, имѣютъ способность, какъ зеркало, отражать въ себѣ различные предметы. То же свойство имѣетъ и воздухъ. Представимъ теперь, что мы въ пустынѣ, что кругомъ насъ пески, пески и

пески, а надъ нами ясное, прозрачное небо. Представимъ такъ же, что гдѣ-нибудь, далеко-далеко отъ насъ, находится дерево, или рѣка, или домъ, или же все это вмѣстѣ. При совершенно тихой погодѣ можетъ случиться, что эти предметы, какъ въ зеркалѣ, отразятся въ небѣ, а оттуда уже отраженіе можетъ перейти и на пески, и передъ нашими глазами являются предметы, въ дѣйствительности вовсе несуществующіе на томъ мѣстѣ, на которомъ мы ихъ видимъ и исчезающіе тотчасъ-же отъ малѣйшаго вѣтра, или нашего приближенія. Такое явленіе называется *миражемъ*.

Обманувшись такъ жестоко, повѣсивъ еще больше головы, авангардъ добирается до мѣста ночлега на берегу рѣки, или же какого-нибудь колодца. Вечерняя прохлада располагаетъ ко сну, но и тутъ являются враги, въ видѣ комаровъ и оводовъ, немилосердно жалящихъ людей и лошадей и не позволяющихъ воспользоваться желаннымъ отдыхомъ.

Черезъ шесть дней такихъ тяжелыхъ переходовъ, отрядъ, наконецъ, достигъ укрѣпленія Чатъ, расположеннаго при слияніи рѣки Атрека съ рѣкою Сумбаръ, и здѣсь остановился, дожидая дальнѣйшихъ приказаній и занимаясь исправленіемъ дорогъ и рытьемъ колодцевъ для главныхъ силъ. Время отъ времени, небольшія части командировались впередъ, съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю, собиравшемуся, по слухамъ, перепрудить Сумбаръ и тѣмъ лишить насъ и той скверной воды, которая имѣлась. Подъ прикрытіемъ же авангарда, стягивались остальные войска и устраивались въ различныхъ мѣстахъ пройденнаго пути, склады фуража и провіанта.

Время шло. Въ этихъ предварительныхъ распоряженіяхъ и передвиженіяхъ прошелъ іюнь и наступилъ іюль. Жары усилились, въ особенности въ Чатѣ, и нерѣдко доходили до 52-хъ градусовъ *) на солнцѣ, что составляетъ такую жару, о которой мы и понятія не имѣемъ. Если при 30-ти-градусной жарѣ не находишь мѣста отъ духоты и, при малѣйшей возможности, забираешься въ тѣнь, а то такъ и въ воду, то что же значать 52 градуса! Безъ преувеличенія можно сказать, что воздухъ жжетъ здѣсь и достаточно пробыть четверть часа на солнцѣ, съ непокрытой головой, чтобы отправиться на тотъ свѣтъ, отъ солнечнаго удара.

*) Для измѣренія тепла и холода употребляется приборъ, называемый *термометромъ*. Онъ состоитъ изъ стеклянной трубочки, съ такимъ же стекляннымъ шарикомъ на концѣ. Въ шарикъ наливается ртуть, имѣющая то свойство, что, во 1-хъ, не замерзаетъ на сильномъ морозѣ, а во 2-хъ, очень замѣтно расширяется отъ тепла и сжимается отъ холода. Въ теплую погоду ртуть выходитъ изъ шарика въ стеклянную трубочку, и чѣмъ теплѣе, тѣмъ выше поднимается по ней; въ холодную же, напротивъ, опускается къ шарiku. Такая трубочка съ шарикомъ помѣщается на дощечкѣ, которая вся раздѣлена на равныя части, называемыя *градусами*. Если мы такой термометръ опустимъ въ принесенный въ комнату ледъ, то ртуть опустится въ трубочкѣ и во все время таянія льда останется на одной высотѣ, вровень съ дѣленіемъ, на которомъ поставленъ 0, т.-е. 0 градусовъ. Если вынесемъ на морозъ, то ртуть начнетъ опускаться ниже 0, показывая 1, 2, 3... 30 градусовъ холода. Внеся обратно термометръ въ комнату, замѣтимъ, что ртуть начнетъ подниматься по трубочкѣ, дойдетъ до 0 и, поднимаясь выше, станетъ уже показывать градусы тепла. Если термометръ опустимъ въ кипящую воду, то ртуть быстро поднимется вверхъ, но, дойдя до дѣленія, на которомъ стоитъ 80 градусовъ, остановится и уже болѣе не будетъ ни повышаться, ни опускаться во все время кипѣнія воды. Эти два дѣленія, т.-е. 0 и 80, называютъ точками замерзанія и кипѣнія.

Понятно, что при такой жарѣ, все дѣлалось медленно, чѣмъ могло-бы дѣлаться на прохладѣ, и потому только въ концѣ іюля вышли распоряженія о началѣ дальнѣйшаго наступленія въ степь. По плану генерала Лазарева, наступленіе должно было произойти слѣдующимъ образомъ:

1) Авангарду полковника князя Долгорукова (4-й баталіонъ Куринскаго, 4-й баталіонъ Кабардинскаго, 1-й баталіонъ Апшеронскаго и 4-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ, рота саперъ, 4-я сотня Волгскаго и сотня Таманскаго казачьихъ полковъ, 3-я и 4-я сотня Дагестанскаго полка, сотня Закавказской и сотня Туркменской милиціи, Горная батарея и одинъ взводъ Красноводской батареи, всего 14 $\frac{1}{4}$ баталіоновъ, 6 сотенъ и 6 орудій), предписывалось выступить изъ Чата и къ 5-му августа сосредоточиться въ Терзъ-Аканѣ, откуда, отдохнувъ, 7-го августа перейти въ Ходжамъ-Кала и, занявъ этотъ пунктъ, приступить къ разработкѣ дороги отъ него къ Терзъ-Акану и устроить колодцы.

2) Остальнымъ частямъ выступить изъ Чикишляра тремя колоннами, подъ начальствомъ генерала Борха, свѣтлѣйшаго князя Витгенштейна и полковника Чижикова, къ 10-му августа прибыть въ Дузь-Олунъ и составить главные силы.

3) Для обезпеченія тыла отъ набѣговъ и продовольственныхъ складовъ отъ захвата, въ различныхъ мѣстахъ пройденнаго пути и въ Чикишлярѣ были оставлены значительныя пѣхотныя и кавалерійскія части.

Продолжительная стоянка на одномъ мѣстѣ, да еще на такомъ, откуда, хоть три дня скачи, не до

чего путнаго не доскачешь, страшно надоѣла всѣмъ, и потому вѣсть о скоромъ движеніи впередъ, какъ искра пробѣжала по бивуакамъ, вызывая на загорѣлыхъ лицахъ солдатъ улыбки удовольствія.

— Ура! ребята. Дождались, наконецъ, своего. Не все сидѣть на мѣстѣ, да жариться по пустякамъ. По крайности, и непріятеля теперь скоро увидимъ. Что такой за текинецъ? Ужъ, почитай, три мѣсяца слышимъ о нихъ, а до сихъ поръ и въ глаза не видали! кричитъ одинъ изъ солдатъ своимъ товарищамъ по палаткѣ, радостно потирая руки.

— Успѣмъ, братъ, насмотрѣться на ихъ богомерзкія хари. Видалъ, небось, въ Чикишлярѣ туркменовъ — одинъ чортъ! Такіе же черномазые, да длиннополье халатники. — Всѣ они тутъ одни, только названія разные, — отвѣтилъ на это другой, видимо, мало интересующійся текинцами.

Скоро къ разговору пристали другіе и пошли въ ходъ различныя предположенія и догадки. Одни говорили, что текинцы народъ храбрый, жестокій, другіе утверждали, что они храбры только на разбои и грабежи, а что передъ нашими берданками навѣрно струсятъ и что побѣдить ихъ ничего не стоитъ, если-бы не песчаная степи, да зной, мѣшающій добраться до самаго ихъ сердца...

Мѣстность за Чатомъ значительно измѣняется. Ровная степь, мало-по-малу, возвышается и превращается въ довольно значительныхъ размѣровъ глиняные бугры, составляющіе предгорія хребта Копетъ-Дагъ. Рѣка Сумбаръ тонкой лентой извивается на днѣ глубокаго оврага и, прорѣзывая мѣстность, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

образуетъ чрезвычайно красивыя, но дикія и мертвыя, ущелья.

Подвигаясь затѣмъ далѣе, авангардъ вступилъ въ развалины Ходжамъ-Кала и, такимъ образомъ, сталъ твердой ногой почти на самой границѣ текинскихъ кочевьевъ.

Этотъ послѣдній переходъ, отъ Терзъ-Акана до Хаджамъ-Кала, по справедливости, можетъ назваться однимъ изъ труднѣйшихъ, ибо, на всемъ протяженіи, въ 46 верстѣ, положительно не встрѣчается ни капли воды. Какъ бы въ награду за это, мѣстность у Хаджамъ-Кала не только не походила на то, что пройденную, но скорѣе напоминала прелестный миражъ съ зеленѣющими деревьями и прозрачной, хрустальной водой. Не вѣря своимъ глазамъ, авангардъ достигъ, наконецъ, площадки, на которой, въ видѣ груды развалинъ, расположилось старое текинское укрѣпленіе и здѣсь остановился.

Кто возьмется описать тотъ восторгъ, съ которымъ, измученные зноемъ и жаждой, люди бросались къ прозрачной, вкусной водѣ, а несчастные верблюды и лошади пожирали сочный тростникъ! Никакія блаженства въ мірѣ не могутъ сравняться съ этимъ и какое перо не въ силахъ описать его!

Ко всему этому нужно прибавить массу дикихъ кабановъ и всякой живности, которой кишѣли окружающія возвышенности и которые скоро попали въ солдатскіе котелки и манерки, составивъ прекрасный ужинъ.

Изъ доносившихся, порой, объ непріятелѣ слуховъ, между прочимъ выяснилось, что небольшія части его

кочуютъ вблизи нашего расположенія и что среди нихъ находится одинъ нашъ солдатъ, захваченный во время передвиженій въ степи. Этого извѣстія было достаточно, чтобы начальникъ отряда тотчасъ же отрядилъ небольшія части кавалеріи, съ цѣлью сдѣлать набѣгъ и, если еще возможно, освободить плѣнника. Сказано—сдѣлано. 10-го августа, два такіе кавалерійскіе отряда двинулись съ разныхъ сторонъ къ расположенію непріятеля, но, еще не доходя его, наткнулись на сторожевой текинскій постъ и открыли пальбу. Постъ бѣжалъ къ виднѣвшимся вдали кибиткамъ; казаки—за нимъ, и скоро нестройныя толпы непріятеля, застигнутые врасплохъ въ открытомъ полѣ, рассыпались во все стороны, оставивъ въ нашихъ рукахъ кибитки со своими семьями, 800 верблюдовъ и около 6,000 барановъ.

Увидѣвъ русскихъ казаковъ и то, что передъ ними безъ оглядки пустились бѣжать ихъ прославленные герои,—мужья и сыновья, текинскіе женщины пришли въ ужасъ; но, такъ какъ ихъ никто не трогалъ, то они, мало-по-малу, успокоились.

Между тѣмъ, главная цѣль набѣга, то-есть освобожденіе плѣнника, не была достигнута, и казаки готовы были уже двинуться въ обратный путь, какъ вдругъ, въ одной изъ кибитокъ послышался крикъ о помощи.

— Спасите, братцы! доносился откуда-то глухой, сдавленный голосъ.

Бросились къ кибиткамъ. Шарили, шарили. Вверхъ дномъ перевернули весь хламъ и въ одной изъ нихъ, подъ грудой мѣшковъ, откопали, наконецъ, бѣднягу.

Закованный въ цѣпи, полузадохшійся, онъ тотчасъ же былъ выведенъ на свѣтъ Божій и, въ порывѣ благодарности, бросился на шею своихъ спасителей.

— Спасибо, братцы... самъ вамъ заслужу... высвободили... торопливо и не оканчивая отъ радости словъ, тараторилъ солдатикъ.

— Полно, полно, успокойся! Расскажи лучше, какъ жилось тебѣ здѣсь, — сгорая любопытствомъ услышать рассказъ, перебивали его, въ свою очередь, казаки.

— Жилось-то ничего. За няньку тутъ у нихъ былъ; только кормили больно мало, да вотъ по своимъ соскучился. А какъ слышали, что вы подходите, такъ на цѣпь и посадили, да мѣшковъ навалили. Чуть не задохся...

Забравъ плѣнника и отбитую добычу, казаки двинулись въ обратный путь; но уже большая половина авангарда, въ тотъ же день, покинула Ходжамъ-Кала и придвинулась далѣе, къ Бендесену.

Въ то время, какъ все описанное происходило въ авангардѣ, главные силы сосредоточились въ Дузь-Олумѣ; устраивались склады и самъ начальникъ отряда намѣревался двинуться въ Чатъ, не смотря на то, что, за всѣми этими хлопотами и беспокойствомъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ: у него на спинѣ, неизвѣстно отъ чего, сдѣлался карбункулъ, то-есть нѣчто вродѣ большого вереда. Карбункулъ прорѣзали, и хотя мучительная боль значительно ослабила силы генерала, онъ все-таки рассчитывалъ на свое крѣпкое здоровье и 12-го августа, въ коляскѣ, двинулся въ путь.

Невыносимый зной, боль отъ разрѣзаннаго нарыва, сломили, однако, желѣзную натуру и, когда онъ при-

былъ въ Чатъ, проѣхавъ около 150 верстъ, силы ему окончательно измѣнили. Не придавая, однако, этому особаго значенія и думая, что упадокъ силъ временный, что все пройдетъ, и сознавая между тѣмъ, что начавшееся движеніе требовало его присутствія въ передовыхъ частяхъ, генералъ Лазаревъ рѣшился снова двинуться въ путь и даже далъ объ этомъ знать въ Дузь-Олумъ.

Смерть, однако, была не за горами. Напрасно цѣлый день прождали его въ Дузь-Олумѣ, напрасно приготовили шатры; онъ умеръ въ Чатѣ 14-го августа, на чужбинѣ, вдали отъ всего роднаго и дорогаго...

Такъ кончилась жизнь великаго полководца, не дозволивъ ему еще разъ доказать Россіи, на что способенъ вѣрный слуга ея, не дозволивъ увидѣть плоды трудовъ своихъ! Государь и вся Россія, помня великія заслуги генерала, искренно оплакали кончину его.

183.5.

А. Н. Р.

(Окончаніе будетъ въ слѣдующей книжкѣ.)

802-18

3

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СМЪВЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГВАРДІИ ШТАБСЪ-КАПИТАНА А. Гейрота.

Одобрень для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

№№ 9, 10, 11 и 12.

Съ приложеніемъ одиннадцати рисунковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

занному въ Писаніи: «Тайну цареву хранить добро, дѣла же Божія открывать славно есть» (Ис. 12, 7). Какъ жаль, что много такихъ случаевъ остается въ безвѣстности, тогда какъ повѣствованіе о нихъ могло бы послужить къ подкрѣпленію вѣры въ сердцахъ вѣрующихъ. А кто знаетъ? иной и невѣрующій, но не потерявшій способности безпристрастно и добросовѣстно относиться къ подобнымъ явленіямъ, задумался бы надъ ними къ своему душевному благу.

Ар. Леонидъ.

(«Душ. чт.» 1875 г.)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

АХАЛЬ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

1879 года.

(Окончаніе *).

II.

Текинцы.—Разсказы плѣнныхъ.— Приказъ командующаго отрядомъ.— Дальнѣйшее движеніе въ степи. — Перестрѣлка и ночная тревога въ аулѣ Друнъ.—Движеніе къ Денгиль-Тепе.—Стычка съ непріателемъ.— Штурмъ Денгиль-Тепе 28-го августа. — Отбитіе штурма.—Потери.—Отступленіе. — Потери.

Мѣсто умершаго генерала Лазарева заступилъ генералъ-маіоръ Ломакинъ. Начавшееся движеніе отряда не прекращалось, такъ что, къ 22-му августа, всѣ войска, предназначенныя для движенія впередъ, были сосредоточены въ Бендесенѣ.

*) Начало было помѣщено въ предыдущей книжкѣ „Чт. для Солд.“ сего года.

Что ожидало насъ впереди—никто не могъ сказать, ибо дальше этого мѣста не заходилъ еще русскій человѣкъ; отрывочные же рассказы туркменъ представляли нашего противника такимъ дикимъ и жестокимъ народомъ, да къ тому же такимъ многочисленнымъ, что бороться съ нимъ не особенно легко, даже и нашему, закаленному въ бояхъ, солдату.

Неоднократный разгромъ персидскихъ войскъ, смѣлые и дерзкіе набѣги на владѣнія хивинскаго хана, дѣйствительно, заслужили текинцамъ громкую славу и навели ужасъ на сосѣднихъ жителей. На самомъ же дѣлѣ, вотъ что представляла изъ себя Текинская земля и ея обитатели.

Небольшая полоса плодородной земли, верстъ на 30 въ ширину и около 300 въ длину, протянулась среди необозримыхъ песчаныхъ степей и извѣстна подъ именемъ Текинскаго оазиса *). По этой полосѣ разбросаны текинскія селенія, насчитывающія, въ общей сложности, около 160 тысячъ жителей. Селенія эти представляютъ изъ себя рядъ кибитокъ, нерѣдко обнесенныхъ глиняной стѣной, и составляютъ, такъ сказать, текинскія крѣпости. Между ними, по числу жителей и силѣ укрѣплений, въ особенности отличалось селеніе Геокъ-Тепе.

Текинцы—народъ рослый, здоровый; носятъ на головѣ громадную баранью папаху, на ногахъ—кожаные лапти, а сами одѣты въ длинные ватные халаты; вооружены острыми, какъ бритва, кривыми саблями,

*) Оазисомъ называется, попадающаяся среди степи, плодородная мѣстность.

старинными тяжелыми ружьями, нѣкоторые же, кромѣ того, длинными пиками. Стрѣляютъ мѣтко, но только съ близкихъ разстояній и съ подставки, для чего у каждаго ружья имѣется двухзубая вилка, на которую и упирается ружье при стрѣльбѣ. Необходимую принадлежность каждаго текинца составляетъ великолѣпный конь. Быстрый и выносливый, онъ не мало помогаетъ имъ при набѣгахъ и разбояхъ. Занимаются они: земледѣліемъ, скотоводствомъ, разбоемъ и грабеджемъ. Отличаются хитростью и жестокостью, въ особенности съ плѣнными и побѣжденными.

Чтобы дать понятъ объ этомъ, я приведу здѣсь рассказы нашихъ плѣнныхъ солдатиковъ, имѣвшихъ несчастье испробовать на себѣ текинскій плѣнъ и потомъ обмѣненныхъ, при началѣ описываемой экспедиціи, на плѣнныхъ текинцевъ.

«7-го октября 1878 года.—разсказывалъ одинъ изъ нихъ, по фамиліи Цивашевъ,—насъ пошло за сборомъ сѣна шесть человѣкъ: я, канониры: Мягкій, Пантюшинъ, Зиминъ, Петинъ и Макаровъ. Мы отправились верстъ за 10 отъ лагеря, безъ оружія, на трехъ верблюдахъ. Это было рано утромъ. Стали рвать траву. Въ это время изъ-за-бугра выскочили пять конныхъ туркменъ; двое были съ ружьями, а трое—съ шашками и пистолетами. Завидѣвъ ихъ, мы бросились бѣжать врозь. Туркмены, вынувъ ружья и обнаживъ шашки,—за нами; скоро догнали насъ, собрали всѣхъ въ кучу и знаками показали, что намъ слѣдуетъ идти въ горы. Мы не шли, а бѣжали; кто изъ насъ замедлялъ шаги, того били нагайками. Канониръ Макаровъ, будучи слабъ здоровьемъ, началъ приставать; тогда одинъ туркменъ

съ коня хватилъ его шашкой сзади, — голова Макарова отлетѣла. Этотъ самый туркменъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ мертваго сапоги и три раза пырнулъ его ножомъ въ бокъ. Насъ гнали бѣгомъ до самаго вечера (съ 9-ти часовъ утра), когда остановились у одной рѣчки на четверть часа, напоить лошадей. Отсюда насъ опять гнали всю ночь, частью бѣгомъ, частью шагомъ; кто отставалъ, того били плетью. На разсвѣтѣ, остановились на два часа у рѣчки. Туркмены испекли лепешки въ золѣ и немного покормили насъ. Послѣ этого опять погнали до 10-ти часовъ утра, когда мы пришли въ крѣпость Кара-Кала; здѣсь большой аулъ. Смотрѣть насъ собралось множество народа: мужчины, женщины и дѣти. Заставили снимать пальто и мундиры, чтобы посмотреть наше нижнее бѣлье. Здѣсь мы простояли цѣлыя сутки; покормили самую малость лепешками. На слѣдующій день, мы вышли рано утромъ, въ сопровожденіи тѣхъ людей, которые взяли насъ въ плѣнъ. Когда отошли съ версту отъ Кара-Кала, туркмены остановились, сняли съ насъ сапоги и верхнюю одежду, которую и подѣлили межъ собою. Мы остались въ однѣхъ рубахахъ и нижнемъ бѣльѣ. Погода стояла теплая. Отсюда мы раздѣлились: меня и Петина два туркмена погнали влѣво, а Мягкого, Пантюшина и Зимина три туркмена погнали вправо. Съ тѣхъ поръ, мы не видѣлись. Мы шли весь день; вечеромъ остановились на четверть часа, потомъ шли весь вечеръ и всю ночь. Шли по горамъ, по каменистому грунту; ноги наши распухли и покрылись ранами. Туркмены, видя такое наше состояніе, позволяли намъ часто останавливаться для отдыха и нагайками не подгоняли. Передъ разсвѣ-

томъ остановились на отдыхъ у пастуховъ; здѣсь испекли лепешекъ и покормили насъ немного. Когда разсвѣло, мы тронулись далѣе, и часовъ въ 9 утра пришли къ крѣпости, названіе которой запомнилъ, но знаю, что она находится въ одномъ переходѣ отъ Кизилъ-Арвата. У крѣпости большой аулъ (селеніе). Народа собралось около насъ, какъ хмара, — свѣта не видно. Стали насъ бить, толкать, бросали навозомъ въ глаза, плевали въ лицо. Такое надругательство продолжалось до самой ночи. Вечеромъ, наши хозяева развели насъ по своимъ кибиткамъ. Моего хозяина звали Куль-Ильды, а хозяина Петина — Дурды-Шайхъ. По приходѣ въ кибитку, меня заковали въ желѣзо, надѣли двое конскихъ путъ, вѣсомъ въ 15—20 фунтовъ, потомъ покормили и положили спать въ кибиткѣ. Хозяинъ мой былъ очень бѣдный человекъ; у него одна жена и двое дѣтей: мальчикъ лѣтъ 7-ми и дѣвочка лѣтъ 5-ти, мать-старуха, одна лошадь, очень хорошая, и ни одного верблюда. Хозяину лѣтъ около 30-ти, а женѣ его лѣтъ 27; она очень не красивая. Куль-Ильды даже не имѣлъ цѣльной кибитки, а только верхъ отъ нея. Хозяинъ Петина жилъ отъ меня очень близко; онъ тоже заковалъ своего плѣнника. Работа моя состояла въ томъ, что я долженъ былъ собирать колючку для топлива и носить воду. Насъ одѣли въ рваные халаты и дали шапки; но ходили мы босые. Жители аула, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль, сходились смотрѣть на насъ, при этомъ толкали, плевали и пр., потомъ привыкли къ намъ, перестали. Я могъ ходить по всему аулу и видѣлся съ Петинимъ каждый день. Намъ брили головы. Однажды, въ кибитку къ моему

хозяину пришло много народа и стали требовать, чтобъ я перемѣнилъ свою вѣру на ихнюю; при этомъ мулла принесъ съ собою бритву, чтобы совершить обрѣзаніе. Я сказалъ: зарѣжьте меня, но вѣры не перемѣню. Нужно замѣтить, что еще 7-го октября, когда насъ взяли въ плѣнъ, мы всѣ дали закланіе—крѣпко держаться своей вѣры. Послѣ моего отказа, туркмены сильно меня били и хотѣли рѣзать, но хозяинъ ихъ остановилъ. Петину тоже предлагали бросить христіанскую вѣру, но онъ крѣпко стоялъ за нее. Туркмены не позволяли намъ открыто молиться и творить крестное знаменіе, и мы молились про себя. Недѣли черезъ двѣ по прибытіи въ крѣпость, у меня зажили ноги; я ихъ каждый день обмывалъ водой и обвязывалъ тряпками. Кормили лепешками впроголодь; разъ въ недѣлю давали пловъ съ бараньимъ саломъ.

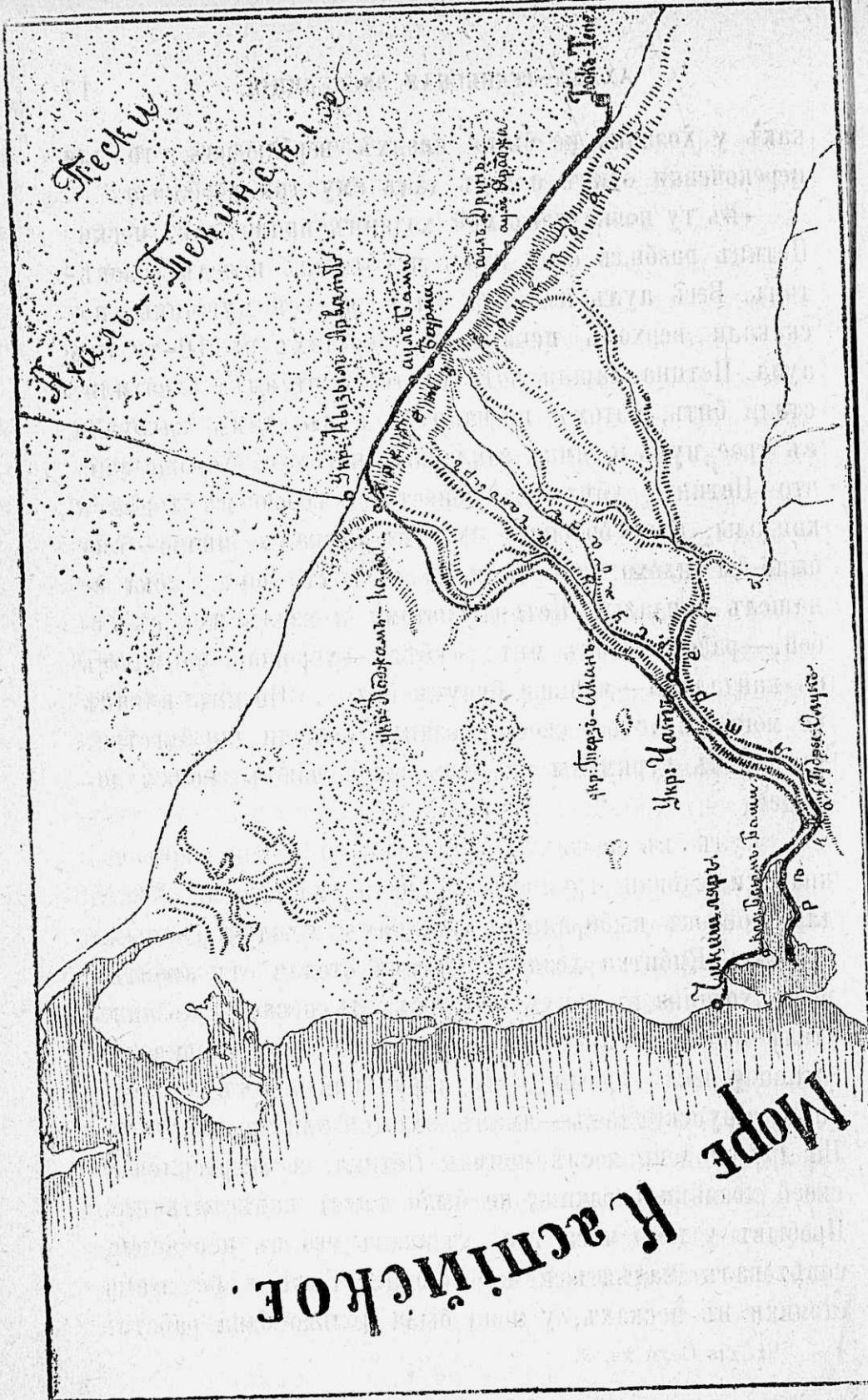
«Командиръ мой, штабсъ-капитанъ Гаитиновъ, прислалъ мнѣ, черезъ одного туркмена, письмо, листъ чистой бумаги и карандашъ. Въ письмѣ его сказано было, чтобы я не падалъ духомъ, надѣялся на Бога, что насъ выручатъ. Я послалъ ему отвѣтъ, что мы живы и здоровы, ходимъ босые, голодные и холодные, и ждемъ—не дождемся освобожденія. Письмо командира сильно меня ободрило; Петинъ тоже повеселѣлъ.

«Въ аулѣ, у крѣпости, мы прожили три мѣсяца. Затѣмъ аулъ началъ переселяться въ пески, гдѣ больше топлива. Хозяинъ Петина вышелъ въ пески днями пятью раньше моего хозяина. Переходъ отъ крѣпости до стоянки въ пескахъ верстъ 40. Во время пути, мнѣ скрутили руки назадъ веревкой. Шелъ пѣшкомъ. Такъ

какъ у хозяина не было своихъ верблюдовъ, то для перекочевки одинъ сосѣдъ далъ ему три верблюда.

«Въ ту ночь, какъ мой хозяинъ пришелъ въ пески, Петинъ разбилъ свои путы и убѣжалъ передъ разсвѣтомъ. Весь аулъ поднялся на ноги; всѣ мужчины поскакали верхомъ искать его. Верстахъ въ 10-ти отъ аула, Петина нашли подъ кустомъ, въ ямѣ; схватили, стали бить, потомъ погнали въ аулъ, тамъ заковали въ трое путъ и замки заклепали наглухо. Хорошо еще, что Петинъ, убѣжавъ, понесъ съ собою въ торбѣ и кандалы, а не бросилъ ихъ въ пескахъ, иначе—ему было-бы плохо: его били-бы до тѣхъ поръ, пока не нашелъ кандалы. Петинъ потому и взялъ ихъ съ собой,—разсказывалъ мнѣ: «убѣгу—хорошо; поймають съ кандалами—меньше будутъ бить». Петинъ никакъ не могъ украсть у своего хозяина лошади для бѣгства, такъ какъ туркмены на ночь заковываютъ своихъ лошадей.

«Аулъ въ пескахъ расположился очень широко; кибитки стояли группами по пяти, по шести. Мѣста для кибитокъ выбирали въ лощинахъ, между песчаными буграми. Кибитка хозяина Петина стояла отъ кибитки моего хозяина въ двухъ верстахъ. Въ пескахъ хозяинъ сталъ обращаться со мною ласково; часто говаривалъ: «живи у насъ, прими нашу вѣру; нашъ Богъ на небесахъ, а русскій Богъ—яманъ, золотой или деревянный». На другой день послѣ поимки Петина, я отпросился у своей хозяйки (хозяина не было дома) навѣстить его. Пробывъ у него часа три, утѣшалъ его въ несчастіи, совѣтовалъ надѣяться на помощь Божию. Во время стоянки въ пескахъ, у меня была только одна работа:

собирать топливо, такъ какъ вода была отъ насъ верстахъ въ 10-ти. За водой ѣздили изъ аула черезъ два дня; я ѣздилъ туда раза три. Кормили недостаточно: давали лепешку фунта въ $1\frac{1}{2}$ на цѣлый день; изрѣдка — пловъ.

«Въ пескахъ мы прожили мѣсяца два, какъ прошелъ слухъ, что насъ хотятъ выкупить; тутъ стали насъ лучше кормить. Слухъ сталъ сбываться. Приѣхалъ къ намъ, въ аулъ, Тыкма-Сардаръ, и, должно-быть, выкупилъ меня у хозяина, такъ какъ взялъ съ собою и привезъ въ свой аулъ, гдѣ былъ нашъ плѣнный канониръ Пантюшинъ.

«Въ аулѣ Тыкма-Сардара меня расковали и здѣсь я пробылъ дней около 20-ти. Тыкма-Сардаръ сообщилъ мнѣ, что, какъ только прибудетъ письмо изъ Чата, то меня тотчасъ же выпустятъ. У Сардара меня кормили хорошо: давали баранину, пловъ, верблюжье молоко, — всего вволю. Работалъ мало; принесешь, бывало, дровъ — и шабашъ, да раза два гонялъ верблюдовъ на водопой. Наконецъ, должно быть, пришла записка, которую ожидалъ Тыкма-Сардаръ, потому что сынъ его, Акберъ-ханъ, повелъ насъ въ землю гоклановъ. Мы шли пѣшкомъ, босые, подъ снѣгомъ и дождемъ, много терпѣли отъ холода. У гоклановъ мы прожили 18 дней, въ ожиданіи того, пока Акберъ-ханъ ѣздитъ въ Чатъ и велъ тамъ переговоры съ нашимъ начальствомъ. На девятнадцатый день нашего пребыванія у гоклановъ, отъ Акберъ-хана приѣхалъ туркменъ изъ Чата, посадилъ насъ на лошадей и повезъ на русскую землю. Съ этимъ туркменомъ, шт.-кап. Гаитиновъ прислалъ намъ: пальто, сапоги, рубашки, штаны, чаю и сахару. Мы ѣхали всю

ночь и, на другой день утромъ, часовъ въ 9, прибыли въ Чатъ. Тутъ вышелъ намъ на встрѣчу весь лагерь. Сынъ Тыкма-сардара такъ же встрѣтилъ и повелъ насъ къ приставу Ягубову, которому и сдалъ насъ. Я былъ, какъ слѣдуетъ, въ формѣ; на Пантюшинѣ такъ же была форменная одежда, за исключеніемъ шапки; я свою шапку сохранилъ въ теченіи шестимѣсячнаго плѣна. Мы прибыли въ Чатъ 15-го марта; отсюда меня послали въ Красноводскъ, на поправку. Въ Красноводскѣ я пробылъ до 15-го іюля и потомъ прибылъ въ Чикишляръ».

О другихъ нашихъ плѣнныхъ: Зиминѣ, Пантюшинѣ и Мягкомъ имѣется такъ же рассказъ одного изъ нихъ, именно—Зимина, успѣвшаго благополучно бѣжать изъ плѣна. Этотъ рассказъ, какъ и предыдущій, ясно рисуетъ домашнюю жизнь текинцевъ, ихъ отношенія къ плѣннымъ, а главное—твердую вѣру православнаго солдата, неизмѣниваго ей, не смотря на заманчивыя обѣщанія и угрозы.

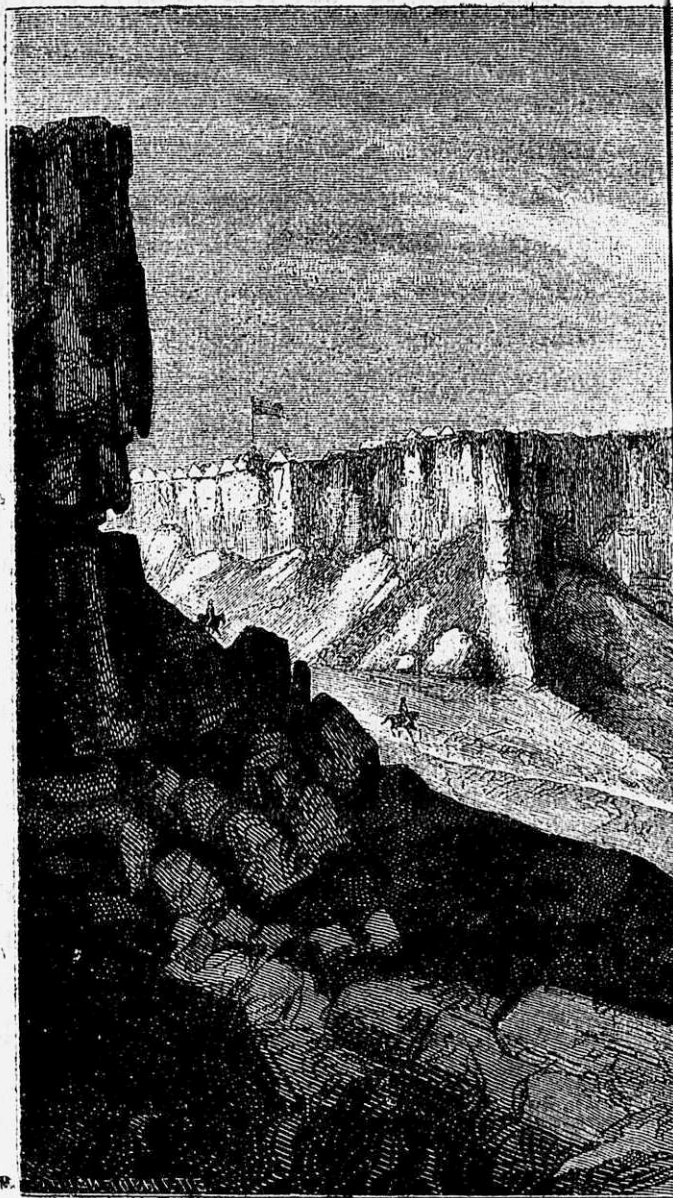
«Отправленные за фуражемъ, — рассказывалъ Зиминъ, — мы, шесть человекъ, при трехъ верблюдахъ, отстали отъ товарищей съ тѣмъ, чтобы нарвать травы поближе, почему взяли влѣво отъ товарищей и киргизъ. Нарвавши травы, начали вязать вязки съ тѣмъ, чтобы навьючить и возвращаться домой. Въ это самое время, наскочили на насъ изъ-за бугра, совершенно неожиданно, пять человекъ, на отличныхъ коняхъ, вооруженные ружьями, пистолетами и шашками. Направивъ на насъ, почти въ упоръ, ружья, они погнали насъ бѣгомъ, при чемъ били нагайками; уставши, я приостановился духъ перевести; тогда одинъ изъ текинцевъ налетѣлъ

на меня и хотѣлъ снести мнѣ голову; я увернулся: Богъ спасъ меня, а Макаровъ былъ послабѣе меня и, бѣжавши, совсѣмъ усталъ; тогда текинецъ подскочилъ къ нему и, однимъ ударомъ шашки, снесъ голову бѣдняги; насъ же, пятерыхъ, посадили сначала на верблюдовъ, потомъ, сзади себя на лошадей и, такъ везли рысью до вечера; какъ стемнѣло, мы переправились черезъ Атрекъ, верстахъ въ сорока отъ лагеря, и насъ повезли въ горы. Хотя боязно было, а я запримѣтилъ всю дорогу до малости: думаю — понадобится. На утро текинцы остановились и начали печь чуреки (лепешки), журили кальянъ, угощая и насъ. Я началъ уговаривать товарищей, чтобы, выбравши время, броситься разомъ, по моей командѣ, на злодѣевъ, придушить ихъ и, воспользовавшись оружіемъ, зарѣзать ихъ. Двое—Петинъ и Пантюшинъ соглашались, но Мягкій и Цивашевъ отказывались, не надѣясь на свои силы. Долго я уговаривалъ, но напрасно; тогда я сказалъ: «значить, и мнѣ, старику, пропадать за васъ» и отдался на волю Божию.

«Еще разъ, проѣзжая скалами, я уговаривалъ броситься въ скалистыя щели, гдѣ конные не могли насъ преслѣдовать; но опять не всѣ соглашались. На другой день, къ вечеру, насъ довели до большого аула крѣпостью, который недалеко отъ той горы, гдѣ мы, стоя въ Ходжамъ-Кала, видѣли горящія костры. Здѣсь мы переночевали, а утромъ насъ вывели за аулъ, на курганъ, сняли съ насъ сапоги, мундиры, обрѣзали потоны и пуговицы. Мы думали, что хотятъ насъ казнить и начали молиться Богу; но, раздѣливъ наши вещи, меня, Пантюшина и Мягкого, повезли въ аулъ,

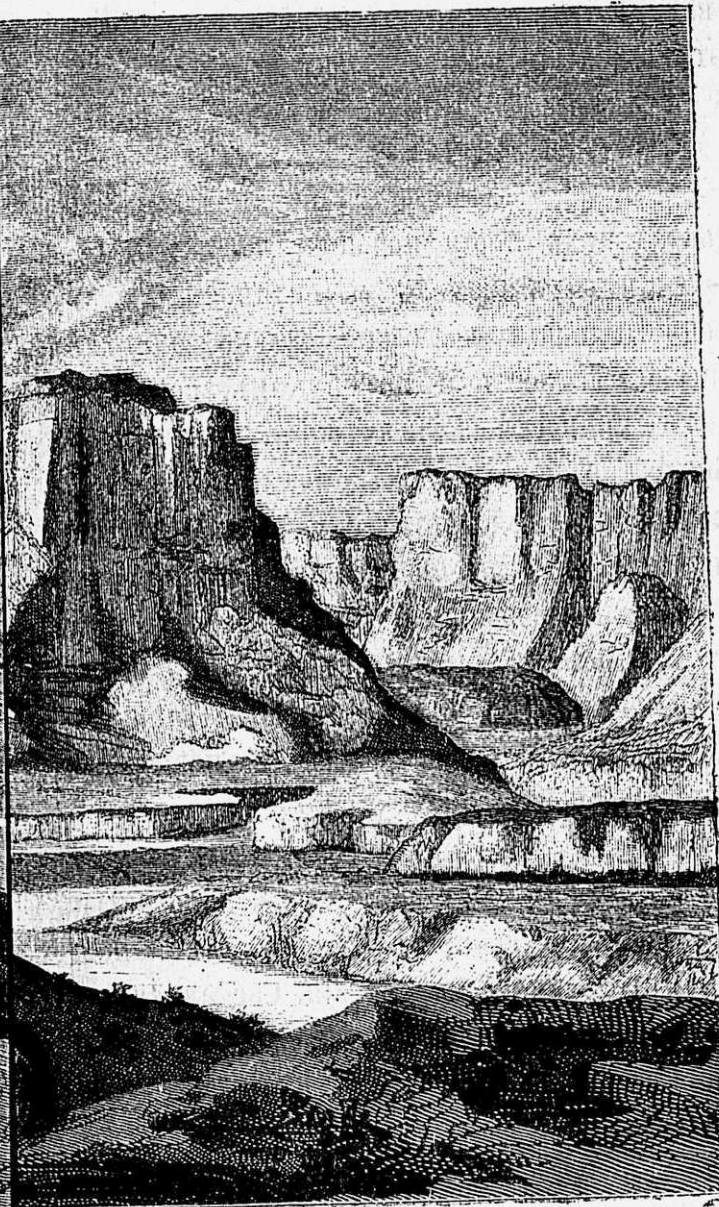
а Цивашева и Петина въ Кизилъ-Арватъ. Трехъ нашихъ верблюдовъ текинцы продали въ Кара-Кала. Когда насъ привезли въ аулъ, гдѣ протекаетъ ручеекъ, и есть крѣпостца, то раздѣлили по кибиткамъ тѣхъ текинцевъ, къ которымъ мы попали; всѣ на насъ напустились и начали издѣваться: малые и большіе, старики и женщины смѣялись надъ нами, плевали въ лицо, тыкали пальцами; затѣмъ начали допытываться: какъ расположенъ отрядъ, много-ли русскихъ? Я рассказывалъ, насколько могъ объясняться; текинцы догадались, что мы артиллеристы, спрашивали, какъ заряжаютъ орудія; я, балагуръ, ваше благородіе, взялъ палку отъ джугуры, да и ну, показывать, какъ банять орудія, да для шутки, чтобы забавнѣе было,—по старому; потѣшилъ текинцевъ, и они стали меньше меня обижать, только ужъ больно надоѣли, заставляя показывать приемы. На другой день, по приходѣ въ аулъ, одинъ молодой текинецъ попросилъ меня у хозяина, чтобы молотить джугуру. Онъ началъ меня расспрашивать, какъ насъ взяли, есть-ли у меня дѣти. Онъ говорилъ немного по русски, а я по ихнему зналъ нѣсколько словъ. Когда я сказалъ, что у меня трое дѣтей, текинецъ заплакалъ,—есть, видно, и между ними добрые люди, ваше благородіе. Онъ началъ мнѣ совѣтывать бѣжать, такъ какъ иначе, все равно, казнятъ; приказалъ своей женѣ, чтобы она меня хорошенько кормила, и мнѣ добрая женщина давала баранину три раза въ день. На ночь меня отводили къ моему хозяину. Насъ заставляли принять ихъ вѣру, мы отказывались. Тогда насъ хотѣли казнить, причемъ знаками показали, что хотятъ отрѣзать пальцы, носъ и уши; но на это нѣкоторые

не соглашались и насъ уводили обратно. Молодой текинецъ сказалъ, чтобы я бѣжалъ ночью, указавъ скалу, гдѣ я долженъ былъ переждать день, а затѣмъ идти съ Богомъ. Онъ же говорилъ мнѣ, что всѣ гокланы и текинцы, которые прѣзжаютъ къ русскимъ въ лагерь, не заслуживаютъ довѣрія, и, возвращаясь, передаютъ обо всемъ текинцамъ. Выбравши одну темную ночь, я, когда хозяева заснули, помолился Богу и тихонько вышелъ изъ аула, пройдя который, я побѣжалъ и взобрался на указанную скалу, гдѣ и спрятался въ щели. На утро я слышалъ, какъ въ аулѣ поднялась тревога, и скоро множество всадниковъ показалось по горамъ, разыскивая меня; я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ; къ вечеру текинцы ушли въ аулъ; я вылѣзъ изъ щели и пошелъ далѣе, упалъ со скалы и, разбившись, лежалъ безъ памяти, а потомъ, оправившись, пошелъ далѣе. Пищи я не принималъ уже третій день. На четвертый день, идя горами, не далеко отъ дороги, по которой меня вели, набрелъ я на сложенную кучу пшеницы, которой немного и поѣлъ. На четвертую ночь я видѣлъ, лежа подъ кустомъ, какъ мимо меня погнали верблюдовъ четыре человѣка; я думалъ, что это верблюды, отбитые въ отрядѣ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что текинцы, въ числѣ коихъ былъ и мой хозяинъ, пошли къ намъ за добычей. Дойдя, на пятый вечеръ къ Атреку, я увидѣлъ двухъ текицевъ, которые, по видимому, искали меня. Я спустился къ Атреку и легъ въ воду, подъ нависшую ветлу; выждавъ, я переправился черезъ Атрекъ и пошелъ къ горамъ, къ тому мѣсту, откуда меня взяли; силы стали мнѣ отказывать; шелъ я медленно, останавливаясь часто отдох-

1683

У К Р Ъ

Ч а т њ .

нута. Завидѣвъ лагерь, я обрадовался и легъ отдохнуть, а къ вечеру доплелся до рѣки и закричалъ о помощи. Въ этотъ день я прошелъ всего верстъ восемь».

* * *

Лишь только войска наши подошли къ самой границѣ Ахаль-текинскихъ земель и остановились въ Бендесенѣ, непріятельскія полчища далеко очистили вокругъ лежащую мѣстность и, по слухамъ, сосредоточились въ своей крѣпости Геокъ-тепе, верстахъ въ 150-ти отъ Бендесена.

Какъ оказалось впоследствии, крѣпость эта, ко времени нашего прихода, не была еще окончательно укрѣплена; но всѣ, способные носить оружіе, стекались туда и неутомимо трудились надъ возведеніемъ глиняныхъ стѣнъ, чтобы за ними укрыться отъ нашего нашествія и, буде возможно, оказать долгое и упорное сопротивление.

Когда первые лучи восходящаго солнца скользнули по безжизненнымъ вершинамъ Копетъ-дага, густыя колонны войскъ начали собираться вокругъ анаоя, для слушанія напутственнаго молебствія. Составленный на скорую руку, хоръ солдатскихъ пѣвчихъ грянулъ: «Царю Небесный» и сотни рукъ спѣшно начали крестить свои загорѣлые лбы.

«Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился!» говоритъ пословица; но если слово «въ морѣ» мы заменимъ словомъ «на войнѣ», то и тогда она останется справедливой. И дѣйствительно. Когда, какъ не въ тяжелыя минуты войны, молиться Богу! Къ кому, какъ

не къ Нему, Всемогущему, обращаться за помощью, въ Комъ искать утѣшеніе?

Мы, православный народъ, искони привыкли, передъ началомъ каждаго дѣла, просить помощи у Господа, и когда, какъ не теперь, нуждались въ ней, стоя передъ лицомъ неизвѣстнаго будущаго!

Святыя слова Евангелія: «Все, чего ни будете просить въ молитвѣ, вѣрьте, что получите», радостно отзывались въ сердцахъ молящихся, укрѣпляя слабую человѣческую душу и наполняя ее надеждой на безпредѣльное милосердіе Божіе.

Молебенъ кончился. Когда замолкли послѣдніе возгласы священника и обнаженные головы покрылись шапками, собравшимся войскамъ былъ прочитанъ приказъ временно-командующаго отрядомъ, слѣдующаго содержанія:

«Войска ахаль-текинскаго отряда! Государю Императору благоугодно было повелѣть вамъ двинуться въ Ахаль-текинскій оазисъ и занять его, съ цѣлью обузданія независимыхъ туркменъ-теке и водворенія въ степи безопасности, столь необходимой для развитія благосостоянія въ краѣ.

«Зная о блестящихъ подвигахъ, оказанныхъ въ минувшую кампанію одними изъ васъ—на поляхъ Ана-толіи, другими—въ горахъ Чечни и Дагестана, я увѣренъ, что съ Божіею помощью, мы оправдаемъ довѣріе нашего Всемиловѣйшаго Монарха.

«Предстоящій степной походъ будетъ труденъ; но ваше мужество, выносливость и честное отношеніе къ службѣ, войска ахаль-текинскаго отряда, служатъ мнѣ порукой за успѣхъ.

«Многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ вашихъ знакомы уже, по прежнимъ походамъ, съ туркменами и знаютъ, что въ борьбѣ съ ними, на соблюденіе крайней осторожности, при отправленіи сторожевой службы, должно быть обращено наибольшее вниманіе. Врагъ, съ которымъ предстоитъ имѣть намъ дѣло, хотя не организованъ и слабо вооруженъ, но многочисленъ, дерзокъ, энергиченъ и, обладая неутомимыми и быстрыми конями, появляясь неожиданно и со всѣхъ сторонъ, можетъ быть опасенъ не только для одиночныхъ людей, или командъ, но и для цѣлыхъ частей, пренебрегающихъ соблюденіемъ правилъ осторожности. Въ особенности, необходимо усиливать бдительность въ ночное время, при движеніи транспортовъ и при охраненіи на пастбищѣ верблюдовъ.

«Непріятель—преимущественно конный, дѣйствующій въ разсыпную, и потому, въ случаяхъ столкновений съ нимъ, въ пѣхотѣ держать резервы ближе къ цѣпи, а равно и одну линію отъ другой, а въ кавалеріи—придерживаться исключительно сомкнутого строя, охраняя внимательно фланги и тылъ. Къ спѣшванію прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ и на пересѣченной мѣстности, не забывая, что огонь для кавалеріи—средство вспомогательное, а не главное. Рекомендую подобный образъ дѣйствій съ непріателемъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляю начальникамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣхъ случайностей обстановки, въ какую могутъ быть поставлены войска, при дѣйствіяхъ съ такимъ своеобразнымъ непріателемъ.

«Начальникамъ частей обратить также особенное вниманіе на сбереженіе здоровья людей, на доброкачественность и достатокъ пищи. Наблюсти за исполненіемъ гигиеническихъ правилъ, рекомендуемыхъ врачами. Остерегаться простуды и избѣгать, по возможности, питья сырой воды, замѣняя ее, при всякомъ удобномъ случаѣ, чаемъ. Беречь лошадей и вообще выючныхъ животныхъ, помня, что успѣхъ легче достигимъ при хорошемъ состояніи тѣхъ и другихъ».

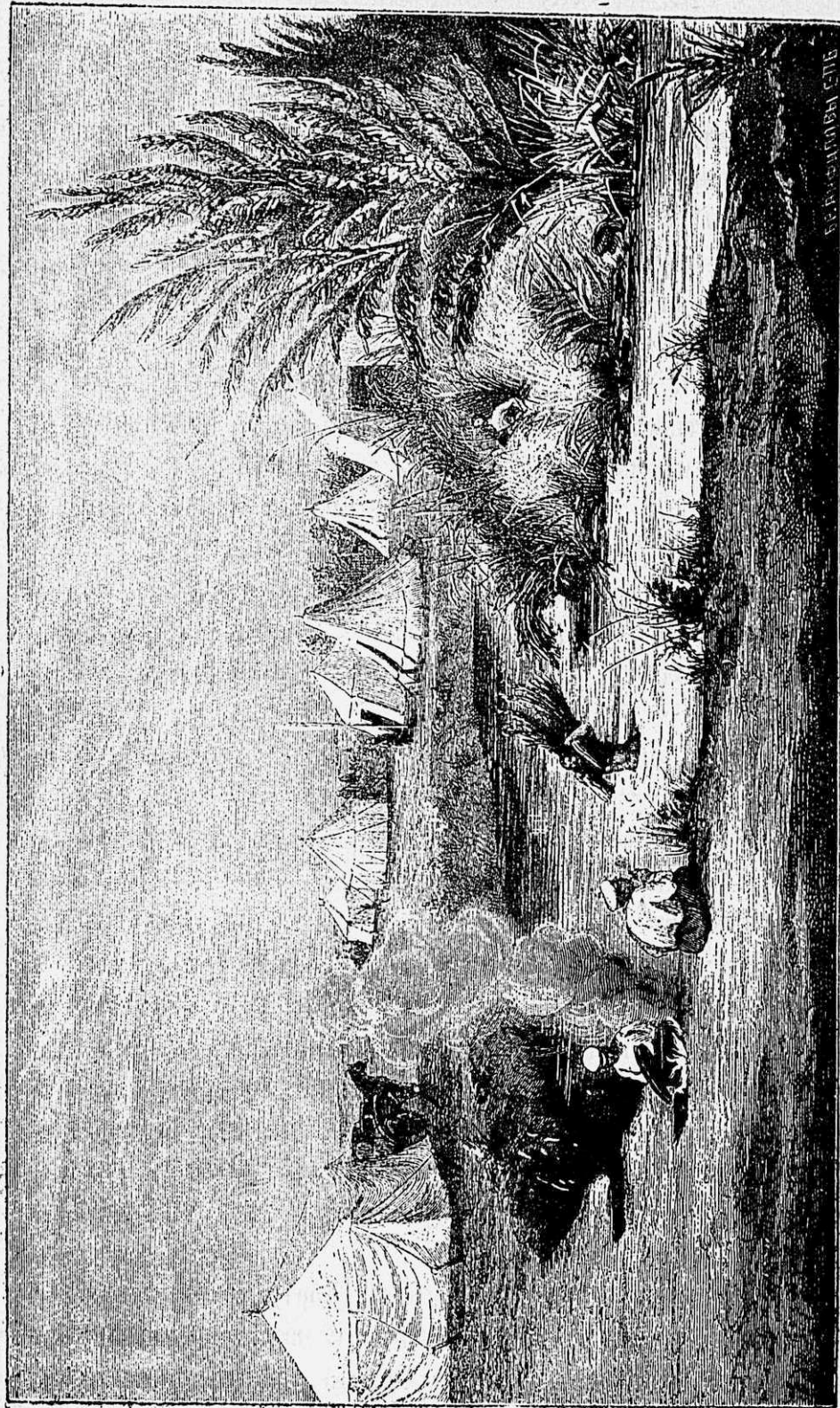
Прослушавъ сей приказъ, авангардная колонна полковника Долгорукаго выступила изъ Бендесена, а на слѣдующій день двинулись и главные силы, подъ начальствомъ генераль-маіора Борха, запасшись на 15 дней продовольствіемъ и по 120-ти патроновъ на человѣка.

Каждый проходившій день уносилъ съ собою громадное количество продовольствія, а между тѣмъ, пополненіе его было крайне затруднительно въ мѣстности, гдѣ нѣтъ не только порядочныхъ дорогъ, но даже и признаковъ ихъ; поэтому, генераль Ломакинъ рѣшился уменьшить силу своего отряда до послѣдней возможности, взявъ съ собою только 12 орудій и около 3,000 пѣхоты и кавалеріи. Предполагалось, что такая незначительная горсть людей, хорошо вооруженныхъ, вполне достаточна для нанесенія рѣшительнаго пораженія непріятелю, тогда какъ каждый лишній ротъ могъ погубить отрядъ въ пустынѣ, въ случаѣ недостатка продовольствія.

Переваливъ Копетъ-дагскій хребетъ, скрывавшій отъ насъ до сего времени текинскій оазисъ, авангардная колонна, подошвою этого хребта, направилась въ

— Экъ, сласть-то какая!—захлебываясь сладкимъ сокомъ и выглаживая зубами зрѣлую мякоть арбуза, приговаривали солдаты, добравшіеся до покинутыхъ туркменскихъ бахчей и страшно опустошая ихъ. Нѣкоторые, незнакомые, набрасывались на тыквы, но, попробовавъ, тотчасъ же бросали ихъ и принимались за арбузы.

*) Хлѣба, произрастающіе въ Ахалъ-теке.

Бывають отягата у Тулки-Олуна на н Ашонахъ

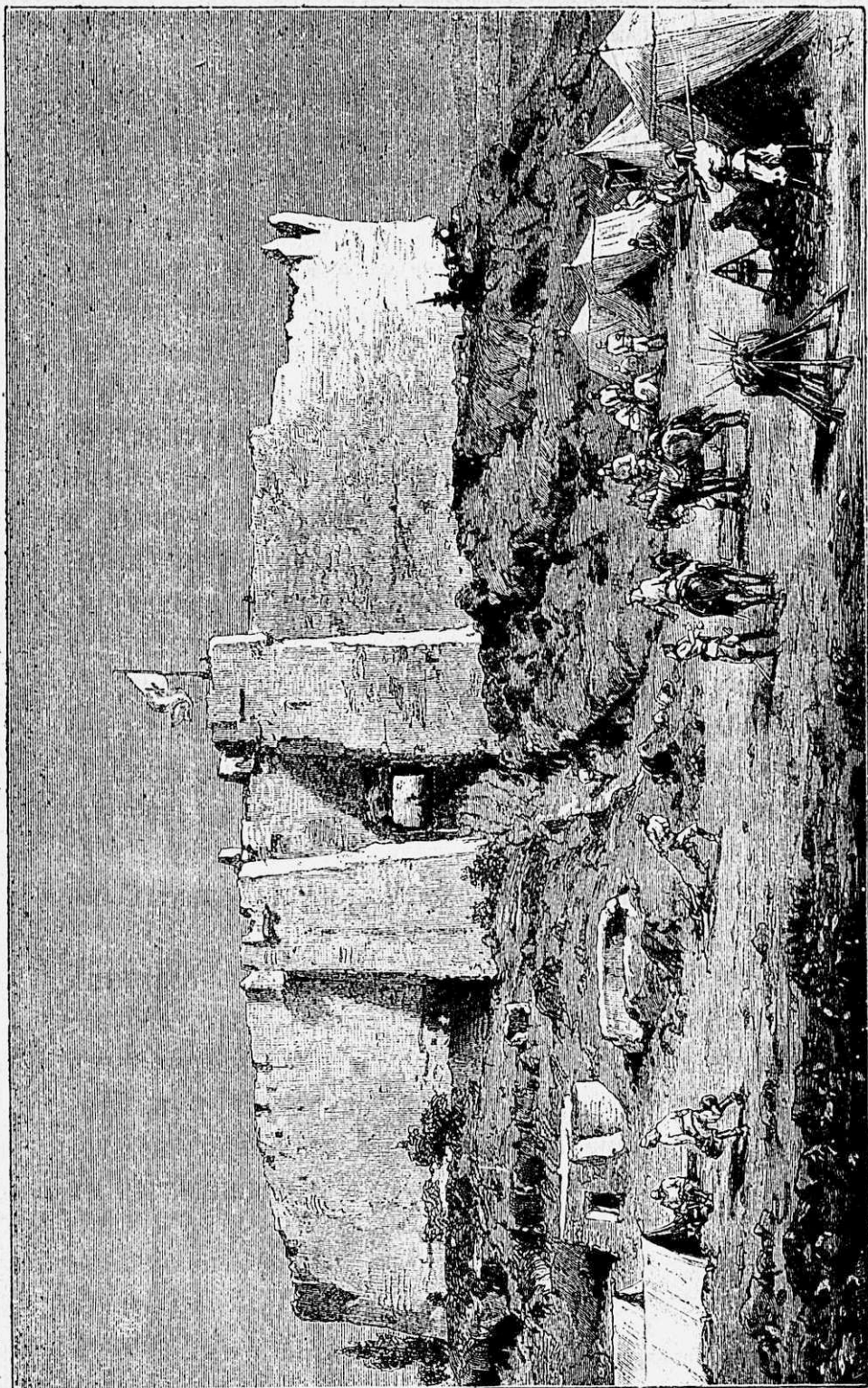
— Что, братъ, позарился на величину, а теперь и бросилъ! — подсмѣивались товарищи.

Наѣвшись, что называется, по горло и все-таки оставивъ еще изрядное количество на долю идущихъ сзади, многіе захватывали съ собой на дорогу и доѣдали на привалахъ.

Черезъ два дня, пробираясь по глинистой почвѣ, сожженной солнцемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испещренной массой всевозможныхъ трещинъ, авангардъ вступилъ въ аулъ Друнъ.

Аулъ, какъ и всѣ предыдущіе, былъ оставленъ жителями. Окружавшіе его поля джугуры на далекое разстояніе скрывали впереди лежащую мѣстность и такъ какъ вокругъ была мертвая тишина и ничто не указывало на близость непріятеля, то скоро отрядъ расположился на отдыхъ. Казаки благополучно напоили своихъ лошадей, за ними отправились и драгуны, какъ вдругъ, изъ чащи джугуры раздался выстрѣлъ и пуля пронизала насквозь ногу одному изъ нихъ. Никакъ не ожидая ничего подобнаго, отрядъ всполошился. По всѣмъ направленіямъ зарыскали казаки, отыскивая виновника выстрѣла; но всѣ поиски оказались напрасными: онъ успѣлъ скрыться въ чащѣ джугуры.

Нечего дѣлать. Раненаго перевязали, потолковали, потолковали, да на томъ и успокоились. Между тѣмъ, наступила ночь. Утомленные дневнымъ трудомъ, люди преспокойно похрапывали подъ охраной сильной аванпостной цѣпи и разъѣздовъ. Верблюды и лошади, изрѣдка фыркая, лѣнливо пережевывали сѣно и также, казалось, не прочь были воспользоваться часами отдыха. Словомъ, все было тихо и спокойно, какъ вдругъ,

Цитадель текинской крѣпости Беурма.

откуда ни возмись, снова раздались выстрѣлы. Перебѣгая огоньками въ ночной темнотѣ и оглашая на далекое пространство заснувшую мѣстность, они мигомъ подняли на ноги весь отрядъ. Аванпостная цѣпь завязала живую перестрѣлку съ невидимымъ непріятелемъ, казаки вскочили на коней и бросились на поиски. Но и на этотъ разъ, какъ и днемъ, поиски ни къ чему не привели: шайка текинцевъ, прикрываясь темнотой ночи и чащей джугуры, благополучно успѣла ускользнуть отъ нашего преслѣдованія, ограничившись произведеннымъ переполохомъ.

Тѣмъ не менѣе, этотъ случай показалъ, что мы вступили уже въ расположеніе вооруженнаго непріятеля и каждый свой шагъ впередъ должны дѣлать съ надлежащей осмотрительностью и осторожностью.

На утро, послѣ описаннаго переполоха, въ аулъ Друнъ подошли главныя силы и отрядъ снова соединился, чтобы отсюда начать уже общее наступленіе, одной колонной. Но прежде чѣмъ отрядъ покинулъ аулъ, спокойствіе его еще разъ было нарушено. Случилось это такимъ образомъ:

Вскорѣ, по прибытіи главныхъ силъ, нѣсколько человекъ отправились въ окрестности Друна за фуражемъ.

«Выѣхали это мы и направились къ горамъ,—разсказывали потомъ нѣкоторые изъ нихъ. — Видимъ, вдаль, у самыхъ почти горъ, аулъ, а надъ ауломъ ни то—башня, ни то—вышка какая-то. Мы къ нему. Кругомъ—ни души; въ аулѣ, по видимому, тоже почти никого. Ёдемъ. Ёдемъ не спѣша, разговариваемъ, да по сторонамъ посматриваемъ. Немного не доѣзжая аула,

Текинская башня.

слышимъ выстрѣлъ. Туда, сюда, глядь—съ этой самой башни стрѣляютъ. Остановились, присматриваемся, и тутъ только замѣтили, что на башнѣ кто-то есть, шевелится. Команда наша маленькая, выстрѣлы же, между тѣмъ, раздавались все чаще и чаще, мы и не рискнули двигаться дальше, а повернули назадъ».

Получивъ такое извѣстіе и не видя въ немъ ничего неправдоподобнаго, начальникъ отряда отправилъ къ аулу 1 роту пѣхоты, 1 орудіе и сотню казаковъ. Приближаясь къ аулу, небольшой отрядъ этотъ былъ также встрѣченъ выстрѣлами съ башни и самъ отвѣтилъ на нихъ.

Каково же было удивленіе всѣхъ, когда, занявъ башню, увидѣли, что весь гарнизонъ ея состоялъ изъ одной старухи-текинги, да уже убитаго старика-мужа!

— Что смѣху-то у насъ тамъ было!—говорили солдаты своимъ товарищамъ, неучаствовавшимъ при взятіи такой знаменитой крѣпости.

Напустились на тѣхъ, кто первые привезли извѣстіе о текинцахъ; они всячески отговаривались, но, въ концѣ концовъ, принуждены были сознаться, что у «страха велики глаза» и что этотъ-то страхъ и помѣшалъ имъ хорошенько разузнать въ чемъ дѣло.

Изъ аула Друна, отрядъ, въ полномъ своемъ составѣ, 27-го августа, выступилъ въ селеніе Яраджу, и такъ какъ отъ этого послѣдняго до непріятеля было уже недалеко, то и рѣшено было отсюда начать правильное боевое наступленіе. Правда, войска, прошедшія безъ отдыха въ 5 дней болѣе 100 верстъ, были крайне утомлены. Правда и то, что отъ утомленія и болѣзней численность отряда сократилась еще больше, и были

роты, въ которыхъ количество людей, годныхъ къ бою, не превышало и 50-ти человѣкъ, но что же было дѣлать, когда время было дорого, а припасовъ, забранныхъ съ собою,—мало, и каждый день промедленія могъ разрушить начатое дѣло.

Въ виду всего этого, тотчасъ же по приходѣ въ Яраджу, командующимъ отрядомъ были сдѣланы распоряженія:

1) Авангарду выступить на слѣдующій день (28-го августа) въ 3 часа утра.

2) Главнымъ силамъ—въ 6 часовъ утра.

3) Верблюжьему транспорту слѣдовать въ хвостѣ колонны главныхъ силъ.

Какъ не утомлены были войска, но предстоящій бой поднялъ на ноги весь бивуакъ задолго до разсвѣта. Кто торопился чистить аммуницію, кто штопалъ разорванную обувь и только нѣкоторые продолжали спать безмятежно, ожидая часа выступленія. Даже животнымъ, и тѣмъ не спалось спокойно въ послѣднюю ночь передъ боемъ: верблюды ревѣли, лошади ржали и фыркали въ ожиданіи сѣдоковъ и всѣ вообще, видимо, были довольны предстоящей встрѣчей съ врагомъ, о которомъ такъ много слышали, но котораго и въ глаза еще не видали.

Наступило утро, ясное и тихое, предвѣщавшее знойный день. Ровно въ 3 часа утра двинулся въ путь авангардъ. Осторожно пробираясь между песчаныхъ бугровъ, изъ за которыхъ возможно было ежеминутно ожидать нападенія, голова его скоро приблизилась къ небольшой кучкѣ строеній, стоявшихъ какъ разъ на дорогѣ. Въ это самое время, отъ одного изъ нихъ от-

дѣлилась фигура женщины и быстро направилась намъ на встрѣчу. Не успѣли мы хорошенько сообразить въ чемъ дѣло и что понадобилось отъ насъ этой женщинѣ, какъ вслѣдъ за ней показались густыя толпы пѣшихъ текинцевъ и тоже двинулись на насъ.

Тысячеголовая, разношерстная толпа, напоминала бурный потокъ, готовый, съ минуты-на-минуту, залить нашъ маленькій отрядъ. Звонъ оружія, крики, взвизгиванія сливались въ одинъ общій, дикій ревъ, способный навести ужасъ на кого угодно, а въ особенности на людей, не видавшихъ никогда ничего подобнаго и привывшихъ встрѣчать непріятеля въ болѣе правильномъ и спокойномъ видѣ.

Что имъ отъ насъ надо? Зачѣмъ идутъ они? Сражаться, или изъявить покорность? Зачѣмъ эта женщина впереди и что означаютъ поминутно взлетающія на воздухъ папахи?

Пока впереди ѣдущіе задавали себѣ подобные вопросы, толпа приближалась. Можно было уже отчетливо разсмотрѣть ихъ воодушевленные лица, старинное вооруженіе; крики доносились явственно. Вдругъ, въ одно мгновеніе все преобразилось. Толпа гикнула и съ яростью бросилась на насъ. Сбивая другъ друга съ ногъ, спотыкаясь о собственное оружіе, перепрыгивая черезъ водяныя канавы, несется эта грозная масса и вотъ-вотъ, готова обрушиться на насъ.

Сомнѣнія разсѣялись. Стало очевиднымъ, что не съ мирными намѣреніями выступила противъ насъ эта толпа, а съ желаніемъ сражаться. Что-жь? тѣмъ лучше! Добро пожаловать. Дратся, такъ дратся! искрой пронеслось въ головахъ всѣхъ и вслѣдъ за этимъ разда-

лись залпъ-за-залпомъ, заглушая на время крики непріятеля и скрывая его изъ вида...

Медленно расходились облака порохового дыма въ неподвижномъ воздухѣ; а когда дымъ разсѣялся совсѣмъ, то передъ нами открылось обширное поле, съ нѣсколькими обезображенными трупами и кучками разбѣгающагося во всѣ стороны непріятеля.

Почти на плечахъ его ворвался авангардъ въ строенія, занялъ ихъ и, разгоряченный преслѣдованіемъ, погналъ ихъ къ виднѣвшемуся аулу. Благоразуміе, однако, требовало не увлекаться преслѣдованіемъ до прибытія главныхъ силъ, а ограничиться занятіемъ строеній и совершеннымъ очищеніемъ ихъ отъ непріятеля; тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были заняты еще отдѣльными смѣльчаками. Самое упорное сопротивленіе оказали тѣ, которые занимали мельницу.

— Ребята! не желаете-ли попробовать свою удалъ—выгнать этихъ нахаловъ изъ мельницы?—предложилъ начальникъ авангарда.

Нѣсколько человѣкъ охотниковъ выступили впередъ и, получивъ разрѣшеніе, быстро принялись за дѣло. Дѣйствуя прикладами, штыками, горсть храбрецовъ скоро ворвалась внутрь мельницы и завязала оживленную рукопашную схватку. Защитники сражались, какъ львы. Рослые, смѣлые, съ искаженными отъ злобы лицами, они наносили удары направо и налево и какъ могли отбивались отъ насѣдавшихъ на нихъ охотниковъ. Въ концѣ-концовъ, не выдержали и принуждены были сдаться. Пяти человѣкъ стоила намъ эта кровавая схватка и уже по одному этому можно судить о мужествѣ и стойкости непріятеля.

Между тѣмъ, какъ все описанное происходило въ авангардѣ, главныя силы продолжали подвигаться впередъ, но также не безпрепятственно: и на ихъ долю пришлось понюхать пороху, ранѣ рѣшительнаго столкновения съ непріателемъ. Дѣло было такъ:

Около половины двѣнадцатаго часа, вправо отъ дороги, по которой происходило движеніе, изъ-за песчаныхъ бугровъ показался небольшой аулъ, повидимому, оставленный жителями. Желая лучше удостовѣриться, что въ немъ нѣтъ непріятельской засады, начальникъ главныхъ силъ послалъ туда полусотню Волгскаго казачьяго полка и 15 человекъ милиціонеровъ (всего, значитъ, 50 человекъ). Казаки свернули въ сторону отъ дороги и крупной рысью направились къ аулу. Не доѣзжая до него на ружейный выстрѣлъ, они скоро замѣтили, что съ другой стороны, къ тому же аулу, направляется непріятельская конница и, прикрываясь земляными насыпями, сосредоточивается въ немъ. Разсыпавъ цѣпь, казаки продолжали подвигаться. Завязалась перестрѣлка. Непріятельскія силы росли съ каждой минутой отъ прибывающихъ съ разныхъ сторонъ все новыхъ и новыхъ всадниковъ и скоро образовалась порядочная масса, человекъ въ 800.

Казачья удалъ не останавливалась, однако, передъ очевиднымъ превосходствомъ непріятеля. Изрѣдка пострѣливая, они продолжали подвигаться впередъ, считывая, вѣроятно, на свои берданки, какъ вдругъ, вся эта масса стремительно бросилась въ атаку. Въ нѣсколько секундъ, быстроногіе текинскіе кони врѣзались въ наши ряды и завязалась отчаянная рукопашная схватка. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ почти въ

20 разъ сильнѣйшимъ непріателемъ, казаки начали отступать къ колоннѣ. Текинцы насѣдали. Вотъ, въ одномъ мѣстѣ, нѣсколько человекъ окружили казака Терехина. Кривыя пашки сверкаютъ надъ его головой и ужъ одна изъ нихъ готова снести ее, какъ въ этотъ самый моментъ, владѣлецъ пашки самъ падаетъ на землю, сраженный пулей Терехина. Покончивъ такимъ же образомъ съ другимъ, Терехинъ, обезсиленный, измученный, готовъ самъ пасть подъ ударами врага, но въ это самое время въ толпу врывается сотенный командиръ, одной рукой отбиваясь отъ пашечныхъ ударовъ, другой помогая Терехину вскочить сзади себя на лошадь, увозить его невредимымъ.

Между тѣмъ, изъ колонны, замѣтивъ отступление казаковъ, выкатили на помощь имъ два орудія и открыли огонь. Удачный разрывъ гранаты сразу разсѣлъ непріятельскую толпу въ разныя стороны. Когда же послѣдніе ихъ всадники скрылись за песчаными буграми, отрядъ, похоронивъ убитыхъ (11 человекъ), продолжалъ движеніе. Въ 3 часа пополудни, главныя силы и авангардъ снова соединились у занятыхъ строеній.

Конечная цѣль экспедиціи была достигнута. Мы стояли теперь лицомъ къ лицу съ непріателемъ и собирались нанести ему рѣшительный и послѣдній ударъ. Ясно, отчетливо видѣли мы передъ собой цѣль нашихъ долгихъ странствованій въ степяхъ—ауль Денгиль-тепе (Геокъ-тепе). Двухсаженный ровъ, съ такимъ же глинянымъ валомъ, грозной стѣной окружаетъ его съ наружной стороны. За валомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, стоятъ ряды кибитокъ, наполненныхъ землей,

за этими кибитками еще ровъ водяной, а вокругъ, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, раскинулось цѣлое море кибитокъ, ясно указывая на число собравшихся здѣсь защитниковъ.

Уже при одномъ взглядѣ на столь внушительныя укрѣпленія, становилось понятнымъ, что совладать съ ними не особенно легко; а если принять во вниманіе, что за ними укрылось почти все мужское населеніе текинскаго оазиса, тысячъ около 15-ти человѣкъ, то становилось сомнительнымъ сломить эту силу нашимъ ничтожнымъ отрядомъ. Оставалось надѣяться на беззавѣтную храбрость русскаго солдата, да на превосходное вооруженіе, котораго у текинцевъ не имѣлось.

Вскорѣ, по прибытіи главныхъ силъ, состоялся военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ тотъ же день атаковать Геокъ-тепе. Медлить было невозможно. Подкрѣпленія ждать не откуда, припасы приходили къ концу.

Радостно облетѣла эта вѣсть отрядъ, и ни грозныя укрѣпленія, ни многочисленный непріятель не пугали закаленныхъ въ бояхъ героевъ, давно жаждавшихъ хорошаго дѣла и боявшихся только того, какъ бы не улизнулъ непріятель безъ боя и не заставилъ бы снова розыскивать себя въ песчаныхъ степяхъ. Не смотря на испытанную уже храбрость непріятеля, никто и въ умѣ не имѣлъ, чтобы эти «халатники», какъ звали у насъ ихъ, отразили наше нападеніе. Къ сожалѣнію, однако, эта похвальная увѣренность въ свою непобѣдимость, на сей разъ не оправдалась, и тѣ, которые за два часа передъ боемъ готовы были ручаться за побѣду, видя страстное желаніе людей скорѣе ринутся

въ бой, принуждены были согласиться, что «сила солону ломить».

И такъ, на военномъ совѣтѣ было рѣшено атаковать Геокъ-тепе. Для подготовки атаки, войска расположились такимъ образомъ, что часть пѣхоты съ артиллеріей заняла мѣстность передъ главной и самой укрѣпленной стороною аула, кавалерія поставлена по флангамъ, а одна сотня Дагестанскаго полка отправлена въ тылъ, для занятія выходныхъ дорогъ и воспрепятствованія побѣгу непріятеля.

Установившись на позиціяхъ и рассыпавъ цѣпь, пѣхота тотчасъ же открыла огонь по валу и по перебѣгающимъ по немъ человѣческимъ фигурамъ. За ней открыла огонь артиллерія, и уже первые ея выстрѣлы и разрушительное дѣйствіе снарядовъ произвели переполохъ въ аулѣ. Массы женщинъ и дѣтей, наполнявшихъ аулъ и никогда не видавшихъ ничего подобнаго, пришли въ положительный ужасъ. Нѣкоторые изъ нихъ бросились къ нашей кавалеріи, стоявшей въ тылу и, говоря, умоляли прекратить стрѣльбу, обѣщая покориться. Ихъ отправляли назадъ и гранаты, по прежнему, продолжали дѣлать свое дѣло, разрушая попадающіяся по пути насыпи, взрывая на воздухъ кибитки, рая и убивая десятки людей.

Ровно въ 5 часовъ пополудни, когда подготовка атаки ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ достаточно уже ослабила непріятеля, войска, плотными колоннами, двинулись на штурмъ. Не смотря на массу летѣвшихъ пуль, бодро подымались они къ глиняному валу аула; загрохотала артиллерія, посылая свои убійственныя гранаты черезъ головы наступающихъ и какъ бы обод-

ря ихъ; ружейный огонь передовыхъ цѣпей усилился, переходя, мало-по-малу, въ одинъ общій гулъ, заглушая свистъ вражескихъ пуль и застилая дымомъ наступающія колонны. Вотъ, затрещали барабаны, загремѣла музыка, горнистскіе горны пронзительно проиграли «тревогу», могучее «ура» зазвенѣло въ воздухѣ и, въ одно мгновеніе, передовыя части очутились на краю рва. Еще минута — они ужъ во рву. Ползутъ, обрываются и снова ползутъ по его крутымъ отлогостямъ. Подсаживаютъ другъ друга. Вотъ, уже нѣкоторые на краю рва, карабкаются на валъ, сраженные выстрѣлами въ упоръ, скатываются бездыханные трупы обратно въ ровъ. Ихъ мѣсто занимаютъ новые борцы и по трупамъ товарищей достигаютъ, наконецъ, вершины вала. Завязывается ожесточенный рукопашный бой. Выстрѣлы смолкли. Лишь звонъ текинскихъ шашекъ о русскіе штыки, да дикіе крики и стоны раненыхъ носятъ надъ мѣстомъ кровавой схватки. То утихая, то снова разгораясь съ большей силой идетъ неровная борьба. Все новые и новые напираютъ толпы непріателя. На мѣстѣ одного убитаго, какъ изъ подъ земли, вырастаетъ десятокъ новыхъ, и снова борьба, и снова кровь и стоны вокругъ...

Не выдержали наши. Подались назадъ. Отбиваясь отъ сотенъ шашечныхъ ударовъ, до послѣдней крайности удерживая натискъ толпы, спускаются обратно въ ровъ. Въ пылу боя, никто не замѣчаетъ, что своимъ отступленіемъ, закрываютъ орудія и не позволяютъ имъ дѣйствовать. Между тѣмъ, непріатель, на нашихъ плечахъ, надвигается на самыя орудія. Кому-то удалось, наконецъ, расчистить передъ

ними мѣсто. Грянули залпомъ орудія. Завизжала картечь. Дрогнула восьми—тысячная толпа непріателя, а наши, воспользовавшись этимъ, тотчасъ же повернули снова лицомъ къ нему, еще разъ, съ крикомъ «ура», бросились въ штыки, опрокинули и продолжали гнать почти до самыхъ стѣнъ аула. Подоспѣвшіе въ это время съ фланговъ казаки довершили поражение. Истомленный, обезсиленный громадными потерями, отрядъ не могъ, однако, воспользоваться этимъ успѣхомъ и принужденъ былъ, отойдя съ версту отъ аула, остановиться.

— Вдули насъ, ничего не подѣлаешь; больно ужъ много ихъ! — слышалось среди солдатъ, никакъ не ожидавшихъ ничего подобнаго отъ «халатниковъ».

Стемнѣло. Черная, южная ночь спустилась на землю, словно саваномъ окутавъ дневное побоище. Ауль замеръ. Грозныя укрѣпленія его, сливаясь постепенно съ темнотой ночи, исчезли изъ вида и ни единый звукъ, ни искра огня не изобличали присутствія въ немъ непріателя. На нашемъ бивуакѣ замѣтно было еще движеніе. Разбившіеся въ бою части продолжали собираться. Слышались выкрикиванія: «гдѣ 5-я рота?», «гдѣ саперы?» Доктора перевязывали раненыхъ. Ротные командиры провѣряли людей и многихъ, къ сожалѣнію, не досчитывались въ своихъ рядахъ.

Привожу здѣсь полный перечень этихъ потерь:

Сводно—стрѣлковаго баталіона. Убиты: командиръ баталіона, маіоръ Сафоновъ и 39 нижнихъ чиновъ. Ранены: 4 офицера и 27 нижнихъ чиновъ.

Эриванскаго гренадерскаго полка. Убиты: 2 офицера и 37 нижн. чиновъ. Ранены: 3 офицера, 24 нижн. чина.

Грузинскаго гренадерскаго полка. Убиты: 1 офицеръ и 32 нижнихъ чина. Ранены: 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ.

Ширванскаго полка. Убиты: 17 нижнихъ чиновъ. Ранены: 4 офицера, 37 нижнихъ чиновъ.

Кабардинскаго полка. Убиты: 2 офицера, 30 нижнихъ чиновъ. Ранены 2 офицера, 50 нижнихъ чиновъ.

Куринаго полка. Убиты: 4 нижнихъ чина. Ранены: 2 офицера.

Саперной роты. Убиты: 2 нижнихъ чина. Ранены: 1 офицеръ и 10 нижнихъ чиновъ.

Переяславскаго драгунскаго дивизиона. Убиты: 1 и ранены 14 нижнихъ чиновъ.

Дагестанскаго. Убиты 8 и ранены 11.

Дивизиона Волгскаго коннаго полка. Убиты: 5, ранены: 1 офицеръ.

Ракетной сотни Полтавскаго коннаго полка. Убиты: 1, ранены: 1 офицеръ и 1 нижній чинъ.

Туркменской милиціи. Убиты 5.

Всего убито: 6 штабъ и оберъ-офицеровъ и 181 нижнихъ чиновъ. Ранено: 20 офицеровъ и 226 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, оказалось много контуженныхъ.

Дорого обошелся намъ штурмъ 28-го августа, но не дешево достался онъ и текинцамъ. По разсказамъ, болѣе 2,000 человекъ потеряли они въ этотъ день и въ числѣ ихъ не мало старшинъ и предводителей. Хотя Геокъ-тепе остался въ ихъ рукахъ, но число защитниковъ его поубавилось. Изъ оставшихся въ живыхъ, многіе, въ ту же ночь, бѣжали въ глубь страны и только храбрѣйшіе изъ нихъ остались за-

щищать родное гдѣздо до послѣдней капли крови. Еще ночью, пользуясь непроницаемой темнотой, они отвели съ нашего бивуака воду и тѣмъ поставили отрядъ въ печальное положеніе. Съ удивленіемъ и грустью стали мы замѣчать, что вода убываетъ. Съ жадностью ловили послѣднія ея капли, а къ утру—ее какъ не бывало. вмѣстѣ съ водой приходили къ концу боевые припасы и продовольствіе. Что оставалось дѣлать въ такомъ положеніи? Единственный исходъ—было отступление. И дѣйствительно, чуть забрежжилъ свѣтъ, отрядъ началъ собираться. Выдвинувъ сильный аррьергардъ, шагъ за шагомъ начали мы отступление по знакомой дорогѣ, не теряя надежды еще разъ возвратиться сюда, подкрѣпленными, и окончательно сломить непокорнаго врага.

Лишь только текинцы замѣтили наше движеніе, какъ громадными массами начали собираться на валахъ укрѣпленія, не рискуя, однако, преслѣдовать, а на первое время ограничиваясь простымъ наблюденіемъ. Но это было только первое время. Затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ начали появляться конные. Обшаривъ оставленный бивуакъ и, не найдя на немъ ничего, они двинулись вслѣдъ за нами, но ничего рѣшительнаго не предпринимали и все время держались въ отдаленіи, изрѣдка посылая пули изъ своихъ старинныхъ ружей. Впрочемъ, текинское преслѣдованіе ограничилось только этимъ днемъ. Они постепенно разсѣялись въ степи и лишь изрѣдка, одинъ-два отчаянныхъ храбреца рисковали тревожить, и то въ ночное время, нашихъ часовыхъ.

Подвигаясь далѣе, отрядъ много терпѣлъ отъ жа-

ровъ, недостатка воды, продовольствія и фуража. Несчастные верблюды окончательно выбились изъ силъ, такъ что цѣлыми десятками оставались по дорогѣ, обозначая путь слѣдованія отряда. Ко всему этому, нужно прибавить массу всевозможныхъ слуховъ о томъ, что громадныя партіи текинцевъ собираются атаковать насъ и пресѣчь всякое сообщеніе съ берегомъ Каспійскаго моря. Въ это тревожное время, въ отрядъ прибылъ новый начальникъ его, генералъ Тергукасовъ, также, какъ и покойный генералъ Лазаревъ, не мало отличавшійся въ послѣднюю турецкую войну и заслужившій всеобщую любовь и уваженіе. Первымъ дѣломъ его было поблагодарить участниковъ экспедиціи за всѣ перенесенные ими труды и лишенія. По истинѣ, эта экспедиція, несмотря на неудачный исходъ ея, заслуживаетъ полного удивленія. Чего только не перенесъ нашъ солдатъ, чего не испыталъ — во славу своей родины! Къ зимнимъ походамъ за Балканы, къ битвамъ въ дикихъ ущельяхъ Кавказа — прибавились необозримые пески Ахала, свирѣпыя стычки съ текинцами!

Не пропали даромъ труды экспедиціи 1879 года, не даромъ пролилась русская кровь! Невѣдомыя до селѣ, пустыни стали извѣстными и, благодаря этому, не дальше какъ черезъ годъ, твердыни ихъ пали, наконецъ, подъ рукой того же русскаго солдата. Слава ваша, православные воины, не померкла, а еще пуще заблистала на вашихъ боевыхъ знаменахъ!

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДѢ

18-го пѣхотнаго

ВОЛОГОДСКАГО ПОЛКА

ВЪ ТУРЦІЮ,

въ 1877 — 1878 годахъ.

(Посвящается памяти старыхъ сослуживцевъ и боевыхъ товарищей
Вологодскаго полка.)

(Продолженіе *).

IV.

Систово. — Первый переходъ въ Болгаріи. — Ночлегъ на берегу лимана Дуная. — Переходъ къ Булгарени. — Движеніе къ Никополю. — Деревня Трестеникъ. — Ночной переходъ къ деревнѣ Мечкѣ. — Бивуакъ у Дебо. — Осмотръ дороги къ Никополю. — Погоня черкесовъ. — Рекогносцировка генерала Кнорринга. — Приготовленіе къ бою.

25-го іюня, около 11-ти часовъ утра, полкъ снялся съ бивуака и направился къ переправѣ. День былъ солнечный, знойный, душный, а пыль въ воздухѣ стояла страшная. Жара тѣмъ болѣе была еще чувствительна, что мы были въ мундирахъ. Пройдя городъ, мы спустились съ довольно крутаго, песчанаго обрыва, затѣмъ перешли по деревянному мосту чрезъ неширокій протокъ Дуная, протекавшаго вдоль обрыва Зимницкаго берега и вступили въ широко разстлавшуюся, песчано-золотистую и почти безъ всякой растительности, долину Дуная. Мѣстами, долина была изрѣзана лужами

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.